

ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ. 2018. № 1 (3)

Научный электронный журнал

**ВЕСТНИК
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-
МЕЖДУНАРОДНИКОВ**



№1, 2018 (3)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Дипломатической академии МИД России.

Аникин Владимир Иванович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник центра мировой экономики ИАМП ДА МИД России

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Данельян Андрей Андреевич, доцент, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, первый проректор Дипломатической академии МИД России.

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России

Иванов Сергей Евгеньевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений Дипломатической академии МИД России

Логинов Борис Борисович, Кандидат экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Любимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, руководитель Центра международного права ИАМП ДА МИД России

Мозлов Асламбек Тотыбекович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой восточных языков Дипломатической академии МИД России

Моисеев Анатолий Васильевич, кандидат военных наук, профессор кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, декан факультета подготовки кадров высшей научной квалификации Дипломатической академии МИД России

Рудов Георгий Алексеевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, доктор политических наук, советник Ректора Дипломатической академии МИД России

Сидорова Надежда Павловна, кандидат политических наук, проректор по молодежной политике и социальной работе Дипломатической академии МИД России

Сурма Иван Викторович, Кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Хлестов Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Черниченко Станислав Валентинович, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer»

Якушев Михаил Владимирович доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Яхменев Петр Александрович, кандидат экономических наук, руководитель центра мировой экономики ИАМП ДА МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
"HERALD OF YOUNG SCIENTISTS-INTERNATIONALS"

CHAIRMAN OF THE BOARD

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Dean of the Faculty for the Training of Scientific Personnel of the Highest Qualification of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Aslambek Mozloev, Ph.D. (Historical Science) Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Aleksey Lyubimov, Doctor of Sciences (Law), Head of the Center for International Law of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Anatoly Moiseyev, Ph.D. (Military Science), Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Boris Loginov, Ph.D. (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Georgy Rudov, Rectorate, Deputy First Vice-Rector of the Diplomatic Academy of the Russian of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivan Surma, Ph.D. (Economics), Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mikhail Yakushev, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nadezhda Sidorova, Ph.D. (Political Science), Vice-Rector for Youth Policy and Social Work of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia

Oleg Khlestov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Yakhmenev, Ph.D. (Economics), Head of the Center for World Economy of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Ivanov, Ph.D. (History), Head of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Zhiltsov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Stanislav Chernichenko, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zakartseva, Doctor of Sciences (History), Professor, First Vice-Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Anikin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher of the Center for World Economy of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer»

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Научный периодический электронный журнал «Вестник молодых ученых-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 года. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права и широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Цель журнала — публикация материалов по специальностям:

07.00.00 Исторические науки и археология;

08.00.00 Экономические науки;

23.00.00 Политология.

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется на территории Российской Федерации.

Научный руководитель

О.П. Иванов, д. полит.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.э.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

М.М. Мурашко – ответственный секретарь, аспирант

И.О. Анисимов – редактор, к. юр. н

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

С.М. Гаврилова – редактор, к.ист.н.

Д.А. Сидоров – редактор, к.полит.н.

Л.Н. Кулябина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мосолова – редактор, к.полит.н.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

The scientific periodical electronic journal «**Herald of Young Scientists-Internationals**» is published by the Council of Young Scientists by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation since 2017. Published quarterly. The magazine is intended for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, the world economy and international law and a wide range of readers interested in Russian and foreign foreign policy.

The **purpose** of the magazine is to publish materials on the specialties:
07.00.00 Historical Sciences and Archeology;
08.00.00 Economic sciences;
23.00.00 Political science.

Periodicity: published 4 times a year and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

O.P. Ivanov, doctor of political sciences

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev - Editor in chief, Ph.D.

OA Timakova - Deputy Editor-in-Chief, candidate of political sciences.

M.M. Murashko - executive secretary, graduate student

I.O. Anisimov - Editor, candidate of juridical sciences.

N.S. Belyakova - Editor, candidate of political sciences.

S.M. Gavrilova - Editor, candidate of historical sciences.

D.A. Sidorov - Editor, candidate of political sciences.

L.N.Kulyabina - Editor, candidate of political sciences.

D.O. Mosolova - Editor, candidate of political sciences.

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL No. FS 77-69319 of April 6, 2017**.

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial office is prohibited. Using materials reference is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world. Requirements for the design of articles.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Филип Сандор, Даниэль Гурнак. Пространственные аспекты внешней политики Словацкой Республики в период с 1993 по 2016 год **10**

Уригаев В.В. Акторы политического пространства Грузии начала XXI века. Современное состояние и перспективы развития взаимодействия. **29**

МЕЖДУНАРОДНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Бабаин А.В. О деятельности международной террористической организации ИГИЛ в Центральной Азии **35**

Нестеров А.К. Влияние американской стратегии сдерживания на двусторонние отношения США и Китая на современном этапе **41**

Ноженко Д.Д. Проблема распространения ядерного оружия в Северо-Восточной Азии **52**

Камбулатов Г.М. Влияние американо-китайского соперничества в Юго-Восточной Азии на конфликт в Мьянме **59**

Богачев А.Д. Транснациональный терроризм: понятие, цели, способы противодействия **66**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Шкляева А.А. Проблема толкования принципов международного права и её влияние на институт международно-правового признания государств в условиях современности **73**

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Николаев Ю.В. Вопрос принадлежности Гибралтара в политике Испании и Великобритании в XXI веке. **79**

Красницкая М.В. Гуманитарное сотрудничество в условиях конфликтов и кризисов **84**

Лукьяненко В.В. Кибервойны как одно из средств реализации внешней политики США. **93**

ПУБЛИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Pechalova A.I. Global Governance and Issues of Trilateral Cooperation **101**

К сведению авторов **105**

CONTENTS

THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Filip Sandor, Daniel Gurnak. 1993 - 2016 Period Slovak Republic Foreign Policy Spatial Aspects **10**

Urigaev V.V. The actors of the political space of Georgia began the XXI century. Current state and prospects of development of interaction. **29**

INTERNATIONAL AND NATIONAL SECURITY

Babayin A.V. International Terrorist Organization Isis Activity In Central Asia **35**

Nesterov A.K. American deterrence strategy impact on US-China bilateral relations **41**

Nozhenko D.D. North-East Asia Nuclear Proliferation Issue **52**

Kambulatov G.M. The influence of US-China rivalry in South-East Asia on the conflict in Myanmar **59**

Bogachev A.D. Transnational Terrorism: Concepts, Aims, Ways To Counter **66**

INTERNATIONAL LAW

Shklyayeva A.A. Problem Interpretation Principles International Law And Its Impact Institution Recognition States Modern World **73**

GLOBAL POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Nikolaev Y.V. The question of the membership of Gibraltar in the policy of Spain and the UK in the XXI century **79**

Krasnitskaya M.V. Humanitarian Cooperation In Conflicts And Crises **84**

Lukianenko V.V. U.S. Foreign policy Cyberwarfare Methods Implementation **93**

PUBLICATIONS IN FOREIGN LANGUAGE

Pechalova A.I. Global Governance and Issues of Trilateral Cooperation **101**

Notice to the authors **105**

Филип Сандор

Бакалавр Департамента региональной географии, защиты и ландшафтного планирования факультета естественных наук
Университет Коменского в Братиславе
filip.sandor.geo@gmail.com

Даниэль Гурнак

Доцент Департамента региональной географии, защиты и ландшафтного планирования факультета естественных наук
Университет Коменского в Братиславе, Доктор наук
daniel.gurnak@uniba.sk

Filip Šandor

Bachelor of the Department of Regional Geography, Protection and Planning of the Landscape Faculty of Natural Sciences at the Comenius University in Bratislava
filip.sandor.geo@gmail.com

Dr. Rndr. Daniel Gurňák

Associated Professor at the Department of Regional Geography, Protection and Planning of the Landscape Faculty of Natural Sciences at the Comenius University in Bratislava
daniel.gurnak@uniba.sk

Пространственные аспекты внешней политики Словацкой Республики в период с 1993 по 2016 год

1993 - 2016 Period Slovak Republic Foreign Policy Spatial Aspects

Аннотация: В этом исследовании был проведен политико-географический анализ пространственной локализации подписанных двусторонних договоров Словацкой Республики (СР) с государствами в период с 1993 по 2016 год. Исследование ориентировано на пространственные аспекты внешней политики СР. Двусторонние соглашения были разделены по содержанию сотрудничества на четыре типа: политические, экономические, военные и другие. Была рассмотрена интенсивность подписания двусторонних договоров в трёх основных

периодах (с 1993 по 1998 год, с 1998 по 2006 год и с 2006 года по 2016 год), которые были выделены на основе смены состава правительств. При сравнении этих периодов внимание главным образом обращалось на экономические и военные договоры, а также на географию общего числа соглашений с определённым государством. Также количество и локализация двусторонних договоров были сопоставлены с официально заявленной внешней политикой Словакии, а также с мнениями и исследованиями экспертов в области внешней политики.

Ключевые слова: Словацкая Республика, внешняя политика, двухсторонние договоры, политико-географический анализ.

Abstract: This study examined the political-geographical analysis of the spatial localization of the signed bilateral treaties of the Slovak Republic (SR) with the states between 1993 and 2016. In this regard, we explored the spatial aspects of the foreign policy of the SR in the world. Bilateral agreements were divided into four types of cooperation: political, economic, military, and others. We examined the intensity of signing bilateral treaties in three main periods, which were singled out on the basis of individual governments from the strongest government party. The study periods were from 1993 to 1998, from 1998 to 2006 and from 2006 to 2016. When comparing these periods, we paid attention mainly to economic and military treaties, as well as to the geography of the total number of agreements with a certain state. We also drew attention to the comparison of the number and localization of bilateral treaties with the officially declared foreign policy of individual government sets, as well as with the opinions and studies of experts in foreign policy.

Keywords: Slovak Republic, foreign policy, bilateral agreements, political-geographical analysis

Внешняя политика – тема, соответствующая преимущественно политическим исследованиям. Однако она занимает свое место и в географических работах, где считается одним из возможных направлений политической географии и геополитики [7].

Рассмотрение международной позиции СР и её геополитическом положении появляется в словацких географических работах Ištoka, Blažíka, Vučeka et al., Gurňáka и Gurňáka, Blažíka, Márisássyovej [18]. Эти исследования преобладали главным образом во время трансформации СР и в период присоединения СР к ЕС и НАТО. Авторы описывают в основном

общую внешнеполитическую ориентацию СР и её положение. Использование количественного подхода к определению места Словакии в мировой политике и особенно к интерпретации внешней политики СР можно наблюдать в работе Gráca и Slavíka (2010), в которой было рассмотрено пространственное размещение посольств СР. Политико-географический анализ внешней политики с помощью визитов ключевых политических лидеров был разработан Колосовым и Туровским на примере России в 1990-х годах.

Результаты указанных и иных исследований в данной статье были взяты в расчет при анализе официальных правительственных документов, как например Правительственная программа, Направление внешней политики СР и Отчёт внешней политики СР.

Данные о двусторонних соглашениях СР были получены в основном с веб-сайта Министерства иностранных дел и европейских дел СР (МИДиЕД СР). В силу неточного и в некоторых случаях дублирующего количества договоров в базе данных МИДиЕД СР, следует отметить, что некоторые из текстов договоров были получены с доступных правительственных документов, таких как *Информация об осуществлении международных договоров*, и также из внутренних источников МИДиЕД СР. Все эти источники более-менее отличались по количеству договоров СР с различными государствами. Исходя из имеющихся источников, мы пытались достичь наиболее точного числа всех подписанных двусторонних договоров СР с 1993 года.

В этой работе мы рассматривали только подписанные двусторонние договоры и их дополнения, а не их общее заключение, обновление или истечение срока действия. В этом контексте мы изучили каждое действие, связанное с подписанием двустороннего документа как выражение внешнеполитического действия страны. Итоговое число двусторонних соглашений из всех доступных источников составляет 1762.

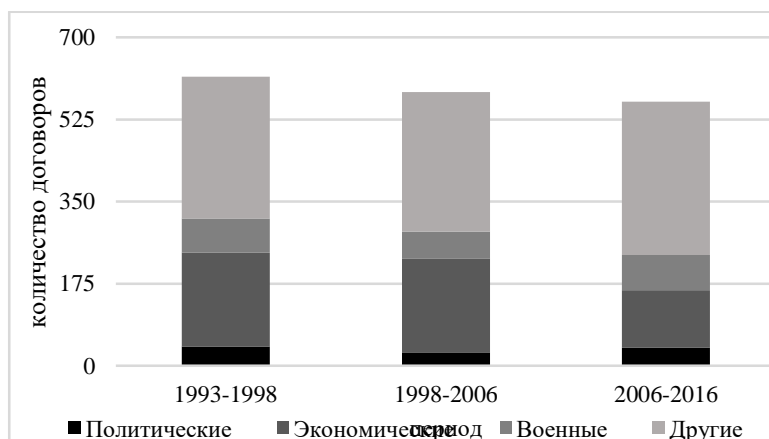


Рис.1. Количество подписанных двусторонних договоров СР с государствами в период с 1993 по 2016 год

Источник данных: Министерство иностранных дел и европейских дел СР

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДВУСТОРОННИХ ДОГОВОРОВ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Количество и тип двусторонних договоров с отдельными странами зависят от ряда факторов, которые способствуют определению общей ориентации внешней политики. Государственные внешнеполитические приоритеты и интересы, экономическое и политическое развитие страны, взаимозависимость государств, международная политическая ситуация и взаимная географическая дистанция и положение государства – с нашей точки зрения, самые важные факторы, которые влияют и на СР, и её двусторонние связи с другими государствами.

Положение СР в центрально-европейском пространстве определяет естественную связь словацкой экономики и внешних отношений, особенно с государствами в Европе. Так, около 75% всех договоров было подписано с европейскими странами. Почти 15% всех соглашений было подписано с азиатскими странами (без Российской Федерации). На долю остальных государств приходится менее 10% от общего числа договоров.

По сравнению с Чешской Республикой, мы можем отметить, что в период с 1993 года СР не запаздывала во внешнеполитической деятельности ни в одном из аспектов. Даже СР обладает немного большей договорной основой, но с меньшим числом государств в мире. Большое количество соглашений также может быть объяснено тем фактом, что СР соседствует с пятью государствами, что представляет больше возможностей для внешнеполитического маневрирования в центрально-европейском регионе.

В целом можно отметить, что большинство двусторонних договоров касаются ближайшего окружения и поэтому зависят также и от расстояния и местоположения государств. В пределах 200 километров от словацкой границы находятся государства, с которыми было подписано 42,3% всех договоров. На расстоянии от 200 до 500 км - 10,8% соглашений, от 500 до 1000 км - 18,8% соглашений. В совокупности получается 71,9% всех подписанных договоров касаются сотрудничества в пределах до 1000 км от словацких границ. Тем не менее, важную роль в пространственной сети двусторонних договоров СР, конечно же, играет мощная геополитическая позиция государства в мире, например, в отношении США и Китая.

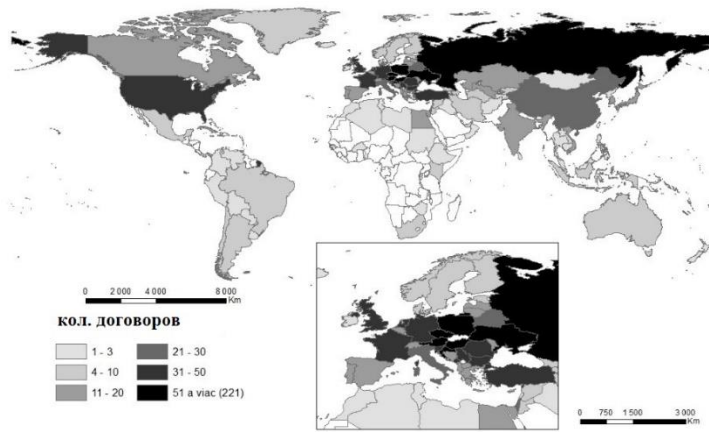


Рис.2 Пространственная локализация двусторонних договоров СР в период 1993-2016

Источник данных: Министерство иностранных дел и европейских дел СР

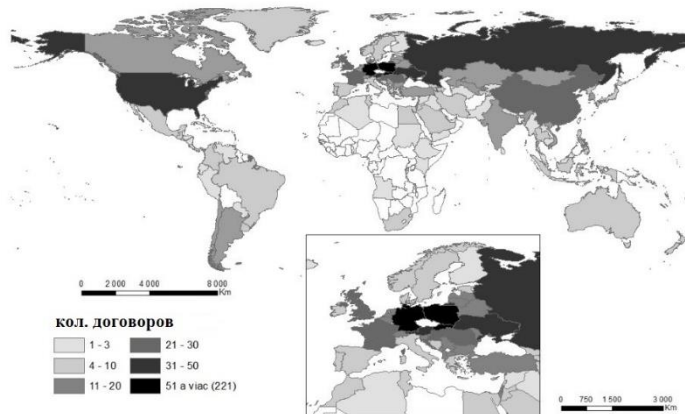


Рис.3 Пространственная локализация двусторонних договоров Чешской Республики в период 1993-2016

Источник данных: Министерство иностранных дел Чешской Республики

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СР В ПЕРИОД 1993-1998 ГГ.

Период 1993-1998 гг. характеризуется наибольшим количеством подписанных двусторонних договоров. В общей сложности на них приходится 35% всех договоров за весь рассматриваемый период 1993-2016 (рис.1). Этот период связан, в частности, с правительством сильнейшей политической партии «Движение за демократическую Словакию» (HZDS) и её председателем Владимиром Мечьяром, который также был премьер-министром СР в этот период (за исключением переходного правительства во главе с Йозефом Моравчиком в 1994 году). С позиции самой сильной правительственной партии HZDS могла полностью управлять внешней политикой СР [9].

Что касается пространственной дифференциации, СР подписала большинство договоров с соседними государствами. Но, несмотря на это, второе место по количеству договоров после Чешской Республики (90) занимала Российская Федерация (53). Кроме соседних стран, важными

договорными партнёрами были Хорватия (24), Германия (17), Болгария (15), Румыния (15), Франция (12), в Америке США 14, Куба 10, в Азии Турция (14), Узбекистан (11) и в Африке Египет (9) и Южная Африка (6).

Несмотря на заявленные усилия по выполнению задач правительственной программы с 1995 года, когда приоритетом внешней политики являлось развитие хороших отношений с соседними государствами, Новакова отмечает, что отношения скорее ухудшились. Причины ухудшения отношений между СР и соседними государствами (особенно с Чехией и Венгрией) в этот период можно найти в бурных внутривнутриполитических событиях в Чешской Республике, а также в СР и нежелание развивать политический диалог в 1997 году.

Импульсом для развития взаимоотношений с Венгрией стало подписание основного «Договора о добрососедстве и дружественном сотрудничестве», которое было привлечено к вниманию на общеевропейском уровне в качестве основного элемента политической стабильности в регионе. Несмотря на вышесказанное, можно констатировать, что количество соглашений с соседними государствами составляет 35,5% всех договоров в рассматриваемом периоде, хотя следует отметить, что количество соглашений с Венгрией (28) было ниже, чем с Чехией (90), Польшей (37) или Украиной (44).

Другие территориальные приоритеты во внешних отношениях в правительственной программе были сосредоточены на развитии отношений со странами Западной Европы и странами «большой семерки». Большое значение имели также торгово-экономические отношения с Россией и странами Содружества Независимых Государств (СНГ). Количество подписанных договоров с развитыми западно-европейскими странами может быть в то время оценено как среднее. Кроме того, количество соглашений с Соединенным Королевством равно числу соглашений с Индией или Кипром. Можно наблюдать, что большое количество экономических договоров было заключено в регионе центрально-восточной Европы. Однако это не означает, что экономика СР была преимущественно ориентирована на эти территории. Duleba утверждает, что в период с 1993 по 1998 год было подписано около 70 договоров с Российской Федерацией, а позже было указано, что это число было самым высоким (около 80) в этот период, поскольку многие из прежде заключенных соглашений были пересмотрены после смены правительства. Török даже отмечает более 100 заключенных словацко-российских соглашений. Однако, по данным Министерства иностранных дел и европейских дел СР (2017), количество подписанных договоров с Российской

Федерацией в этот период составило лишь 53 (из них 18 были экономическими).

Во время правления В. Мечьяра во внешней политике СР прослеживались сразу две тенденции. С одной стороны, официальные внешнеполитические документы утверждали о стремлении СР к интеграции в ЕС и НАТО, а значит и в о сближении СР со странами-членами ЕС. С другой стороны, многие авторы указывают на то, что практическая политика правительства не полностью соответствовала этим документам и во многом представляла собой их прямое отрицание[9]. Wlachovský отмечает двойственность внешней политики СР и значительное экономическое и частично военное сотрудничество с Россией, которое было официально представлено как «прагматичное». Эта хаотичность внешней политики СР проявилась больше всего с 1996 года до парламентских выборов в сентябре 1998 года. В этом контексте мы можем наблюдать, что двусторонние отношения СР с западноевропейскими государствами и США развивались параллельно с отношением правительства к процессу интеграции в евроатлантические структуры.

Но в целом можно отметить, что устное отклонение представителей словацкого правительства от курса евроатлантической внешней политики в 1997-1998 годах не отразился существенно на интенсивности подписания двусторонних соглашений. За последние два года правительство подписало 7 договоров с Италией, 6 - с Францией, 5 - с Бельгией, но только 2 с Соединенным Королевством, которые в качестве председателя в Совете ЕС в это время больше всего выступали за политику изоляции в отношении СР. Сомнения в целесообразности интеграции сдержали западную ориентацию СР, за чем последовало исключение страны из первого раунда переговоров о вступлении в ЕС и НАТО в 1997 году. Связь между пространственной дифференциацией политических и военных договоров с целью интеграции СР можно было бы искать скорее в локализации военных договоров, поскольку политические договоры в основном были ориентированы на страны к востоку от СР.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СР В ПЕРИОД 1998-2006 ГГ.

Парламентские выборы в сентябре 1998 года стали важным поворотным моментом в словацкой внешней политике. Объединенная оппозиция сформировала правительство во главе с премьер-министром Микулашом Дзуриндом и сразу начала утверждать евро-атлантическую ориентацию страны. Это официальное направление правительства и его внешней политики сохранилось и во второй избирательный период после

незначительных изменений в правительственных партиях. Основные параметры нынешней международной позиции СР были сформированы именно за этот период[12].

Стратегическим внешнеполитическим приоритетом правительственной программы в 1998 и 2002 годах была интеграция СР в ЕС и НАТО со всесторонним сотрудничеством со странами-членами (особенно с США), а также с соседними государствами. Можно отметить, что другим странам и регионам уделялось только «адекватное» внимание в этих основных документах. Сразу после формирования правительства в 1998 году, произошло жёсткое наступление словацкой дипломатии, целью которой было убедить западных партнеров в евро-атлантическом и демократическом направлении СР и догнать соседние страны в интеграционных процессах[11].

Это было отражено как в объеме, так и в структуре подписанных двусторонних договоров в соответствующих регионах. Например, сразу после выборов 1998 и 1999 годов были подписаны 4 военных соглашения с Соединенным Королевством и 3 военных соглашения с Соединенными Штатами. Несмотря на программные приоритеты, США с 11 договорами занимали место во второй десятке стран с наибольшим количеством двусторонних соглашений за этот период, тогда как в предыдущем периоде они были на 10 месте.

Двустороннее договорное сотрудничество в этот период опять было в значительной степени сосредоточено на центральноевропейском направлении. Большинство договоров было подписано с Чешской Республикой (82), Польшей (31), Венгрией (28), Австрией (25), Украиной (24) и Соединенным Королевством (24). Вышеупомянутый поворот внешней политики СР также отразился на количестве подписанных соглашений с Россией (15), позиция которой откатилась со второго на девятое место.

Особым регионом во внешнеполитических интересах СР были также Западные Балканы, которые в то время все ещё представляли собой зону нестабильности и конфликтов. Из-за географической и культурной близости этой области СР использовала возможность внести свой вклад в решение проблем и развитие этих стран[22]. Несмотря на сложную внутривнутриполитическую обстановку в регионе, количество договоров с этими странами было выше среднего. Даже разрешение на боевые пролеты самолетов НАТО над территорией СР с целью бомбардировок Сербии не помешало взаимным отношениям СР с Союзной Республикой Югославией[10]. В целом, Duleba отмечает, что результаты словацкой дипломатии в регионе Западных Балкан с 1999 по 2009 год по-прежнему остаются важной главой словацкой внешней политики.

В соответствии с обстановкой на Западных Балканах, правительственные усилия СР по вступлению в НАТО также активизировались. Факт бомбардировки Сербии странами НАТО в 1999 году стал новым аспектом при рассмотрении важности территории СР в Центральной Европе. Значение геостратегического положения СР подтвердилось, когда НАТО запросило разрешение на военные полеты над территорией СР[38]. В этом случае было показано, что при определенных обстоятельствах положение СР является наиболее важным, особенно в его векторе с севера на юг. После этих фактов первоначальное негативное отношение НАТО к будущей интеграции СР в альянс было переоценено. Таким образом, территория СР после вступления в НАТО представляет собой важную связь северного крыла стран-членов НАТО с юго-восточным крылом[18].

Присоединение Словацкой Республики к ЕС и НАТО в 2004 году представляло собой новую главу внешней политики СР, изменило ее статус на международном уровне, что нашло свое отражение во внешней политике. После 2004 года пространственная локализация внешнеполитических интересов СР, главным образом в Европе, привела к специализации внешнеполитических приоритетов на четыре уровня. На первом уровне были отношения с соседними странами. На втором уровне являлись отношения со странами ЕС и НАТО. Отношения третьего уровня с государствами Западных Балкан и Восточной Европы, и четвертый уровень - с другими странами мира. На последнем уровне наиболее значимой детерминантой были географическая дистанция и взаимная торговля, которая представляла минимальную долю в общем торговом обороте СР.

За то время, пока два правительства М. Дзуринды находились у власти, СР приобрела образ стабильного и предсказуемого партнера. Török утверждает, что состояние двусторонних и многосторонних отношений СР в конце этого периода было несравнимо с ситуацией в 1998 году. Но при этом можно отметить, что общее число подписанных двусторонних договоров в этом и предыдущем периоде было примерно одинаковым. Во время двух правительств М. Дзуринда внешняя политика Словакии воспринималась аналитиками как наиболее успешная.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СР В ПЕРИОД 2006-2016 ГГ.

Парламентские выборы в 2006 году выиграла партия SMER-SD (Направление – социальная демократия), которая вместе с SNS (Словацкая национальная партия) и LS-HZDS (Народная партия – Движение за демократическую Словакию) сформировала правительство на следующие

четыре года. Словацкое правительство во главе с премьер-министром Робертом Фицом представляло новую главу во внешней политике СР.

Заявленное направление и приоритеты внешней политики СР в период первого правительства Р.Фица были основаны на преемственности в установленных евро-атлантических ценностях предыдущего периода. Однако особый акцент был уделен активизации отношений с Россией и Китаем. Tögök наблюдает двойственность внешней политики в некоторых аспектах, но в то же время заявляет о непрерывности евроатлантической ориентации страны. Эту двойственность словацкой внешней политики можно охарактеризовать как стремление формировать собственную внешнюю политику в продвижении национальных интересов СР, проявленное более, чем это было в предыдущий период.

Большинство соглашений было подписано с Чешской Республикой (21), Венгрией (18), Польшей (15), Францией (13) Австрией (12), Нидерландами (12), Сербией (12), Украиной (11), Хорватией и США (9). Несмотря на официальное ухудшение отношений с Венгрией (из-за правительственной партии SNS)[29], двустороннее договорное сотрудничество продолжало количественно развиваться. С другой стороны, ухудшение отношений с Украиной отразилось на двусторонней договорной деятельности (газовый кризис), хотя Украина была и всё-таки остается приоритетом именно в соответствии с ее позицией по газовому транзиту из России. Увеличение числа соглашений с Францией (Декларация словацко-французского партнерства) может быть связано с повышенным интересом Франции к СР или в целом к Центральной Европе.

С точки зрения пространственной дифференциации подписанных договоров, соглашения были локализованы в наиболее важных странах в различных регионах мира. Несмотря на заявленные усилия по активизации отношений с Россией (7) и Китаем (3), с этими странами было подписано меньшее количество договоров, и в случае России эти соглашения были классифицированы как «другие». Несмотря на то, что некоторые аналитики и политики упрекали премьер-министра в более пристальном внимании к России, количество и структура договоров не соответствовали этой критике. Наконец, Воланска утверждает, что отношения с Россией в этот период существенно не изменились. Интересный факт, что число соглашений с некоторыми странами, в политических режимах которых отсутствовали демократические черты (Вьетнам, Ливия, Сирия и КНДР), увеличилось, что подтверждает критику некоторых аналитиков. Следует, однако, отметить, что них преобладали экономические соглашения, число которых также увеличилось в регионе Центральной Азии, что в целом соответствовало

заявленным усилиям по расширению экономического сотрудничества с этими странами.

После парламентских выборов 2010 года была сформирована правительственная коалиция, состоящая из 4 оппозиционных политических партий под руководством партии SDKU-DS (Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия). Внешнеполитическая концепция правительства вновь подчеркнула преимущество в общих евро-атлантических ценностях, и основное внимание было уделено ограничению сотрудничества со странами, которые нарушают права человека и свободу граждан. Правительство также поставило перед собой цель улучшить отношения с Венгрией (*прав. программа, 2010*), что привело к подписанию 11 договоров. Это представляет собой наибольшее число межгосударственных договоров с 2010 по 2012 г. (только 8 с Чешской Республикой).

Как заявляет Тögök, правительство И. Радичовой характеризовалось активным участием в странах Западных Балкан, что также было отражено в числе подписанных договоров. Причины для внешнеполитических интересов СР в этой области были расширены усилиями СР предоставить трансформационный и интеграционный опыт.

Учитывая небольшое количество соглашений в ходе двухлетнего правительства И. Радичовой, на долю которого приходится лишь 4,6% всех договоров в период с 1993 по 2016 год, мы не придаем большого значения анализу этого периода. С точки зрения пространственной дифференциации двусторонних договоров можно охарактеризовать короткий период правления И. Радичовой как попытку улучшить двусторонние отношения с отдельными странами, о чем свидетельствует, например, подписание большого числа договоров с Венгрией (11) и Украиной (7).

Несогласность правительственных партий в вопросах европейской политики привела к падению правительства в 2012 году. Абсолютная победа партии SMER-SD на досрочных выборах в 2012 году означала формирование одноцветного правительства. Впервые в новейшей истории СР только одна партия несла ответственность за внешнюю политику в период 2012 – 2016 гг.

Программные приоритеты внешней политики второго правительства Р. Фица можно охарактеризовать как внешнюю политику, которая имеет основные ценности, закрепленные в евро-атлантическом регионе. Существует также иерархия пространственных приоритетов внешней политики, которая была точно сформулирована уже после вступления в ЕС. Опять же, подчеркивается специфика отношений с Россией, а также с

другими странами БРИКС, Японией, Республикой Корея и Австралией (*прав. программа*, 2012).

Соседние государства – Чешская Республика (20), Венгрия (14) и Польша (9) – снова доминировали в плане пространственной дифференциации подписанных договоров, а порядок стран – такой же, как и в первом правительстве Р. Фица. Приоритетная ориентация на эти страны может коррелировать с растущей интенсивностью международного сотрудничества в формате В4 – Вишеградской группы. В первой десятке находились также Хорватия (8), Черногория (8), Россия (8), Украина (7), Австрия (6), Объединенные Арабские Эмираты (6) и США (6). Относительно большое количество соглашений с Хорватией связано с ежегодным подписанием договора о сотрудничестве полиции в туристический сезон.

Во время этого правительства аналитики упрекали власти за трехсторонность восточно-словацкой политики, которая была вызвана различными взглядами высших конституционных представителей СР на ситуацию на Украине. С точки зрения структуры двусторонних договоров, следует сказать, что с Россией не был подписан договор военного характера в период с 2006 по 2016 год и что взаимное договорное сотрудничество остается только на уровне экономики, науки, культуры, полиции и проч.

Развитие ситуации с безопасностью в период 2012-2016 годов непосредственно повлияло на внешнюю политику СР. В связи с миграционной волной в 2015 и 2016 годах СР активно реагировала на ситуацию и приняла соответствующие внешнеполитические меры. В эти годы были подписаны договоры с Австрией, Венгрией, Словенией, Македонией, Россией и Албанией по борьбе с нелегальной миграцией, организованной преступностью, а также по различным видам полицейской помощи на границах некоторых из этих государств.

После парламентских выборов в 2016 году внешняя политика значимо не изменилась. Это было вызвано главным образом доминирующим положением правящей коалиционной партии SMER-SD и, что не менее важно, тем, что персонал в МИДиЕД СР тоже явно не изменился.

Председательство СР в Совете ЕС во второй половине 2016 года понималось во внешнеполитическом контексте как завершение успешной интеграции страны в ЕС. В этом контексте были подписаны договоры с Мальтой и Нидерландами о сотрудничестве государств-членов в Совете ЕС в период председательства: Нидерланды – Словакия – Мальта.

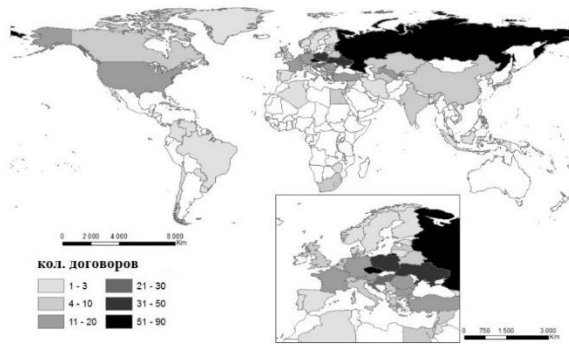


Рис.4 Пространственная локализация двусторонних договоров СР в период 1993-1998

Источник данных: Министерство иностранных дел и европейских дел СР

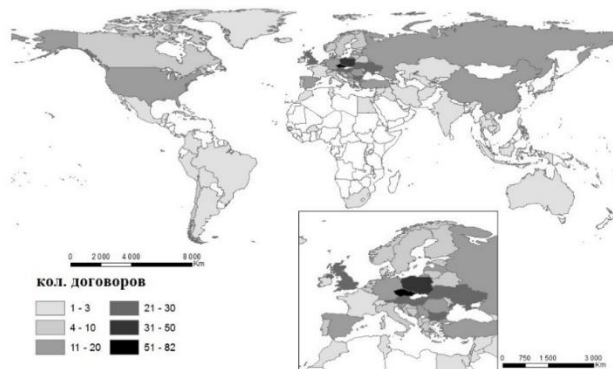


Рис.5 Пространственная локализация двусторонних договоров СР в период 1998-2006

Источник данных: Министерство иностранных дел и европейских дел СР

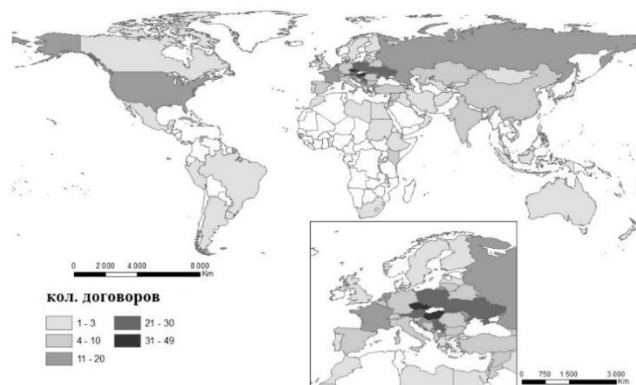


Рис.6 Пространственная локализация двусторонних договоров СР в период 2006-2016

Источник данных: Министерство иностранных дел и европейских дел СР

После провозглашения независимости СР в 1993 году было много сомнений относительно возможностей развития небольшого государства в центре Европы. Дипломатия и внешняя политика СР обусловила то, что страна стала активным игроком в международном сообществе. Положение СР на международной арене существенно изменилось, особенно в период

1993-1998 годов, и в настоящее время можно сказать, что она однозначно заявила о своей внешнеполитической ориентации и установила свою позицию в международных отношениях.

В соответствии с этим мы отметили регионы с большим и меньшим международным участием СР и указали приоритетные оси внешнеполитических интересов. В этом случае мы указали на то, что пространство и расстояние между государствами могут в определенной степени влиять на внешнюю политику страны (например, отношения с Австралией, Новой Зеландией). Мы могли бы также сделать вывод, что существует прямая связь между большим количеством соглашений и хорошими отношениями (в случае с Чешской Республикой), но и из этого правила бывают исключения (в случае Венгрии).

Можно отметить, что положение и размер СР в центральноевропейском пространстве больше всего повлияли на пространственную локализацию двусторонних договоров. В результате 75% договоров было подписано с европейскими странами и почти треть всех договоров с соседними странами. Большое количество соглашений с соседними государствами соответствует приоритетным интересам словацкой внешней политики для создания хороших и взаимовыгодных отношений.

Сравнивая внешнюю политику трех основных периодов, определяемых самой сильной правительственной партией, мы пришли к выводу, что со сменой правительств наблюдаются заметные изменения внешнеполитического вектора. В течение первого рассмотренного периода уровень договорной деятельности был относительно высок, а внешнеполитический курс противоречив. Второй период характеризовался вступлением в евроатлантические структуры и приспособлением двустороннего договорного сотрудничества к этим целям. Третий период можно охарактеризовать как попытку активизировать сотрудничество с различными государствами мира при соблюдении основных ценностей ЕС и НАТО. Было неоднократно указано на несогласованность взглядов политиков и экспертов по некоторым вопросам внешней политики в данный период.

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на внешнюю политику Словацкой Республики, является Европейский союз. Уникальность этой наднациональной группы государств и её системы договорного права, несомненно, в определенной мере переформатирует общую пространственную ориентацию внешней политики СР и её двустороннюю договорную базу. Также значительное влияние на заключение двусторонних военных договоров СР оказывает НАТО, которое официально рядом

правительств на протяжении всего рассматриваемого периода признавалось основным элементом словацкой безопасности. Военно-договорная ориентация СР на НАТО ярко выражена в 74% военных договоров, подписанных со странами-членами НАТО.

Рассматривая локализацию и развитие числа двусторонних договоров, мы также пришли к выводу, что Словацкая Республика активно реагирует на международные события в мире, что также нашло свое отражение в договорной базе. Также, эти действия и количество соглашений свидетельствуют о том, что Словацкая Республика, в сравнении с Чешской Республикой, не запаздывает в международной политической деятельности.

Список источников и литературы:

1. *Blažík, T.* Geopolitické postavenie Slovenska na konci 90. rokov. In: Teoreticko-metodologické problémy geografie, príbuzných disciplín a ich aplikácie. - ISBN 80-223-1434-X. - Bratislava: Univerzita Komenského, 1999. С. 161-166.
2. *Blažík, T.* Predpoklady vstupu Slovenska do Európskej únie. In: Geografické aspekty stredoevropského priestoru. Předpoklady vstupu ČR a SR do Evropské unie. - ISBN 80-210-2664-2. - Brno: Masarykova univerzita – 2001 – с. 16-21
3. *Blažík, T.* Slovensko - perspektívy vstupu do NATO a geopolitické súvislosti v stredoeurópskom priestore. In: Acta Facultatis Studiorum Humanitatis et Naturae Universitatis Prešovensis. Prírodné vedy, roč. 38. Folia geographica, č. 6. - ISBN 80-8068-128-7. - Prešov: Prešovská univerzita – 2002. С. 17-23. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.foliageographica.sk/public/media/26624/2-Slovensko%20%20perspekt%20%20ADvy%20vstupu%20do%20NATO%20a%20geopolitick%C3%A9%20s%C3%BAvislosti%20v%20stredoeur%C3%B3pskom%20priestore.pdf> (дата обращения 15. 02. 2018).
4. *Blažík, T.* Rok 2003 - rok zásadnej zmeny geopolitického postavenia Slovenska. In: Geografické aspekty stredoevropského priestoru. - ISBN 80-210-3208-1. - Brno: Masarykova univerzita – 2003 – С. 26-30
5. *Blažík, T.* Slovensko ako súčasť Európskej únie. In: Geografické informácie 8: Stredoeurópsky priestor - geografia v kontexte nového regionálneho rozvoja. - ISBN 80-8050-784-8. - Nitra: UKF, 2004. С. 411-416 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kgrr.fpv.ukf.sk/images/casopisy/Geograficke_informacie_8_2004.pdf (дата обращения: 15. 02. 2018).
6. *Blažík, T.* Zmena geopolitického postavenia Slovenska po vstupe do euroatlantických štruktúr. In: Geografická revue. – ISSN 1336-7072 Banská Bystrica: FPV UMB – 2006 – Roč. 2, č. 2 с. 580-593 [Электронный ресурс]

Режим доступа: <http://www.fpv.umb.sk/geo-revue/publikovane-cisla/2006/2-2006/> (дата обращения: 15. 02. 2018).

7. *Buček, J.* Hlavné smery a problémy výskumu súčasnej politickej geografie. – 2006 – Geografický časopis, 58, 4. С. 353-371 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sav.sk/journals/uploads/05311252Bu%C4%8Dek.pdf> (дата обращения: 14. 01. 2018)

8. *Buček, J., Gurňák, D., Ištók, R., Slavík, V., Szöllös, J.* A new state in Central Europe - the changing political geography of the Slovak Republic. In Slovak Geography at the Beginning of the 21st Century: Geographia Slovaca 26. Bratislava: Geografický ústav SAV – 2009 – с. 17-47. ISBN 978-80-970076-3-8. ISSN 1210-3519 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.sav.sk/journals/uploads/12131149GS_26.pdf (дата обращения 17. 01. 2018).

9. *Kopeček, L., Urubek, T.* Slovenská republika. In Dančák, B., Mareš, M., a kol. (2000). Zahraniční politika politických stran v České republice, Maďarsku, Polsku a na Slovensku. Brno: Masarykova univerzita, Mezinárodní politologický ústav – 2000 – ISBN 80-210-2354-6. С. 87-92.

10. *Dlhopolček, F.* Bilaterálne vzťahy Slovenskej republiky v roku 1999. In Kotvanová, A. ed. Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 1999. Bratislava: Slovenský inštitút medzinárodných štúdií – 2000 – ISBN 80-968224-4-6 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R1999.pdf> (дата обращения: 19. 03. 2017). С. 87-94.

11. *Duleba, A.* Slovenská zahraničná politika – bilancia šiestich rokov a perspektívy zmeny. In Mezinárodní vztahy, Vol 34 No 1, Praha: Ústav mezinárodních vztahů – 1999 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mv.iir.cz/article/download/1188/1238> (дата обращения: 06. 03. 2017).

12. *Duleba, A.* Zahraničná politika SR: 25 (21) rokov po. Diskusný príspevok. Bratislavský inštitút humanizmu – 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.bisla.sk/sk/wp-content/uploads/2014/04/Duleba-25-rokov-po_VIH-BISLA2.pdf (дата обращения: 24. 03. 2017).

13. *Duleba, A.* Tri tváre slovenskej východnej politiky v roku 2015. In Brezáni, P. ed. Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2015. Bratislava: Výskumné centrum slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku – 2016 – ISBN 978-80-89356-44-7 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2016/04/R2015.pdf> (дата обращения: 15. 04. 2017). С. 85-97.

14. *Duleba, A., Lukáč, P., Wlachovský, M.* Zahraničná politika Slovenskej republiky. Východiská, stav a perspektívy. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku – Friedrich Ebert Stiftung – 1998 – ISBN 80-967745-4-9 [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://fesprag.ecn.cz/img_upload/72ff215dde4b7f046a6aa04d2af13196/zahranicna-politika-sr.pdf (дата обращения: 06. 03. 2017).

15. *Grác, R., Slavík, V.* Priestorové aspekty formovania siete zastupiteľských úradov v kontexte zahraničnej politiky Slovenskej republiky. In Geografický časopis, Roč. 62, č. 3, Bratislava: Institute of Geography, Slovak Academy of Sciences – 2010 – ISSN 0016-7193 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sekarl.euba.sk/ar1-eu/sk/csg/?repo=eurepo&key=78888084568> (дата обращения: 09. 12. 2016). С. 237-258

16. *Gurňák, D.* Teritoriálna a štátoprávna stabilita štátov v procese historickogeografického vývoja stredovýchodnej a juhovýchodnej Európy, In: Novák, S. ed. (2001): Geografické aspekty stredoevropského priestoru, Masarykova univerzita v Brně, Brno, с. 38 – 42, ISBN 80-210-2664-2 –2001 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.regionálnageografia.sk/upload/personal/Gurnak%202001.pdf> (дата обращения: 15. 02. 2018)

17. *Gurňák, D., Blažík T., Lauko, V.* Úvod do politickej geografie, geopolitiky a regionálnej geografie. Bratislava: Univerzita Komenského – 2007 – С. 140 ISBN 978-80-969338-8-4

18. *Gurňák, D., Blažík, T., Máriássyová, A.* Meniaca sa geopolitická poloha Slovenska. In Lauko a kol. (2014). Regionálne dimenzie Slovenska. Bratislava (Univerzita Komenského v Bratislave) – 2014 – ISBN 978-80-223-3725-0 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.regionálnageografia.sk/publikacie/pub/RDS/05_gurnak_blazik_maria_ssyova.pdf (дата обращения: 20. 02. 2017). С. 33-65

19. *Cuny J.E., H.* Slovensko-francúzske strategické partnerstvo. Prednáška francúzskeho veľvyslanca v SR., Portál EFPOLIT – 2008 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.efpolit.org/index.php?option=com_content&view=article&id=16%3Aslovensko-francuzske-strategicke-partnerstvo&catid=4%3Aprednaky&Itemid=6&lang=sk (дата обращения: 13. 04. 2017).

20. *Kolosov, V., Turovskij, R.* Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы – 2000 – No 3. С. 40

21. *Krejčí, O.* Geopolitika stredoevropského priestoru – Pohled z Prahy a Bratislavy. Praha: Professional Publishing – 2016 – ISBN 978-80-7431-161-1. С. 357

22. *Lukáč, P.* Aká politika Visegrádu voči západnému Balkánu? In Poláčková, Z. (ed.) Slovensko-české vzťahy v kontexte strednej Európy. Bratislava: Ústav politických vied SAV, VEDA, – 2005. С. 183 – 192.

23. *Marušiak, J., Bates, Z., Duleba, A., Strážay, T., Žemlová-Shepperd J.* Zahraničná politika – hlavné trendy, dvojstranné vzťahy a regionálna spolupráca.

In Kollár, M., Mesežnikov, G., Bútorá, M. (ed.) Slovensko 2006. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky – 2007 – ISBN 80-88935-92-6. С. 281-404

24. Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí SR. Databáza medzinárodných zmlúv (Министерство иностранных дел и европейских дел Словацкой Республики. База данных международных договоров) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.mzv.sk/zahranicna_politika/medzinarodne_zmluv-rozsirene_vyhľadavanie (дата обращения: 27. 11. 2016).

25. Nováková, M. Analýza zahraniční politiky Slovenské republiky 1994 – 1998. E-polis.cz – 2008 – ISSN 1801-1438 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.e-polis.cz/clanek/analyza-zahranicni-politiky-slovenske-republiky-1994-1998.html> (дата обращения: 06. 03. 2017).

26. Správa o plnení úloh zahraničnej politiky SR a Zameranie zahraničnej politiky SR, 1993 – 2004, archív MZVaEZ SR [Отчет о выполнении внешнеполитических задач СР и Направление внешней политики СР 1993 – 2004, архив МИДиЕД СР].

27. Správa o plnení úloh zahraničnej politiky SR v roku 2005. (MZVaEZ SR) [Отчет о выполнении внешнеполитических задач СР в 2005 г. (МИДиЕД СР)] [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mzv.sk/documents/10182/1635498/Aktu%C3%A1lny+ro%C4%8Dn%C3%BD+komponent+2005.pdf> (дата обращения: 17. 03. 2017).

28. Správa o plnení úloh zahraničnej politiky SR v roku 2006. (MZVaEZ SR) [Отчет о выполнении внешнеполитических задач СР в 2006 г. (МИДиЕД СР)] [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mzv.sk/documents/10182/1635498/2006.pdf> (дата обращения: 09. 04. 2017).

29. Török, M. Tri obdobia dvoch desaťročí zahraničnej politiky Slovenskej republiky. Politické vedy. 17, č. 3, Banská Bystrica: Fakulta politických vied a medzinárodných vzťahov – UMB Banská Bystrica – 2014 – ISSN 1335 – 2741 с. 112-151 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.politickevedy.fpvmv.umb.sk/archiv-vydani/2014/3-2014/marian-torok.html> (дата обращения: 11. 03. 2017).

30. Vláda SR. Programové vyhlásenie vlády SR od 13.12.1994 do 30.10. 1998. [Правительственная программа с 13.12.1994 по 30.10. 1998] Bratislava: Úrad vlády SR – 1995 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://archiv.vlada.gov.sk/old.uv/1183/1-zahranicne-vztahy.html> (дата обращения: 06. 03. 2017).

31. Vláda SR. Programové vyhlásenie vlády SR od 30.10.1998 do 15.10. 2002. [Правительственная программа с 30.10.1998 по 15.10. 2002] Bratislava: Úrad vlády SR – 1998 [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://www.vlada.gov.sk/data/files/981_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky-od-30-10-1998-do-15-10-2002.pdf (дата обращения 17. 03. 2017).

32. Vláda SR. Programové vyhlásenie vlády SR od 16.10.2002 do 04.07. 2006. [Правительственная программа с 16.10.2002 по 04.07. 2006] Bratislava: Úrad vlády SR – 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vlada.gov.sk/data/files/980_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky--od-16-10-2002-do-04-07-2006-.pdf (дата обращения: 17. 03. 2017).

33. Vláda SR. Programové vyhlásenie vlády SR od 04.07.2006 do 08.07. 2010. [Правительственная программа с 04.07.2006 по 08.07. 2010] Bratislava: Úrad vlády SR – 2006 – Режим доступа: http://www.vlada.gov.sk/data/files/979_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky-od-04-07-2006-do-08-07-2010.pdf (дата обращения: 09. 04. 2017).

34. Vláda SR. Programové vyhlásenie vlády SR na obdobie rokov 2010-2014. [Правительственная программа в период 2010-2014 гг.] Bratislava: Úrad vlády SR – 2010 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vlada.gov.sk/data/files/18_programove-vyhlasenie-2010.pdf (дата обращения: 09. 04. 2017).

35. Vláda SR. Programové vyhlásenie vlády SR 2012-2016. [Правительственная программа в период 2012-2016 гг.] Bratislava: Úrad vlády SR – 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vlada.gov.sk/programove-vyhlasenie-vlady-sr-na-roky-2012-2016/> (дата обращения: 14. 04. 2017).

36. *Volanská, I.* Zahraničná politika Slovenskej republiky vo vzťahu k Rusku v rokoch 2004 – 2008: Zborník plných príspevkov, 8. Študentská vedecká konferencia, Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove – 2013 – с. 756-762, ISBN 978-80-555-0770-5 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak4/subor/Volanska.pdf> (дата обращения: 10. 04. 2017).

37. *Wlachovský, M.* Zahraničná politika. In Bútora, M., Hunčík, P. ed. Slovensko 1995. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava: Nadácia Sándora Máraiho – 1995 – ISBN 80-85509-41-7 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ivo.sk/buxus/docs//publikacie/subory/Slovensko_1995_web.pdf (дата обращения: 11. 03. 2017).

38. *Zemko, M.* Atlantická a európska integrácia, stredná Európa a Slovensko. In Kotvanová, A., Szép, A. Ročenka zahraničnej politiky Slovenskej republiky 2001. Bratislava: Slovenský inštitút medzinárodných štúdií – 2002 – ISBN 80-968224-8-9 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2014/02/R2001.pdf> (дата обращения: 24. 03. 2017) С. 71-78.

Уригаев В В.

Аспирант Дипломатической академии МИД России

V. Urigaev

Postgraduate Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation

**Акторы политического пространства Грузии начала XXI века.
Современное состояние и перспективы развития взаимодействия.**

**The actors of the political space of Georgia began the XXI century.
Current state and prospects of development of interaction.**

Аннотация: Статья посвящена анализу акторов политического пространства Грузии. Сложная политическая ситуация требует появления некоторой классификации акторов с точки зрения информационно – коммуникационного подхода. В данной работе акторы делятся по уровню влияния и распространения на акторов макро-, мезо- и микро- уровня, то есть акторов – геополитического, регионального (имеется в виду Черноморский регион) и локального уровня. Изучение взаимодействия и взаимовлияния акторов позволяет не только понять механизм функционирования политических процессов, но и позволит в дальнейшем составить кратко- и среднесрочные прогнозы.

Ключевые слова: Грузия, Черное море, актор, геополитика, регион.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the actors of the political space of Georgia. A complex political situation requires the appearance of some classification of actors from the point of view of the information and communication approach. In this paper, actors are divided according to the level of influence and distribution of macro-, meso- and micro-level actors, that is, actors - geopolitical, regional (meaning the Black Sea region) and local level. The study of interaction and interaction of actors allows not only to understand the mechanism of the functioning of political processes, but will also make it possible to make short- and medium-term forecasts in the future

Keywords: Georgia, Black Sea, actor, geopolitics, region.

Политическое пространство Грузии представляет собой сложную систему множества элементов – акторов политического процесса, взаимосвязанных между собой разнонаправленными связями. В данной работе мы представим анализ наиболее значимых акторов, оказывающих наиболее существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Современная Грузия исторически сформировалась как агрегация разнородных по своему этническому, конфессиональному и социокультурному составу государств и территорий, находившихся под влиянием как местных общин, так и соседних государств региона, в свою очередь входивших в сферы влияния соседствующих с ней Российской, Османской, Персидской империй, а также в зону интересов Великобритании и Германии. Внешние акторы на протяжении многовековой истории Грузии играли существенную роль в политическом пространстве страны, находящейся на пересечении европейской, евразийской и азиатской цивилизаций.

При этом сама история государственного строительства Грузии насчитывает около двух с половиной тысяч лет, начиная с Колхидского царства, о котором есть упоминания в поэтических работах Пиндара, Эсхила, мифе о золотом руне, а также работах Геродота. Возникшие в античный период древнегреческие полисы — торговые колонии - дали начала современным городам, по другим источникам, прежде всего в работах грузинских ученых, как отмечает Шнирельман[1] – созданы совместными усилиями местного населения и эллинов. Поскольку исторический анализ находится вне формата данного исследования, ограничимся упоминанием того, что территория нынешней Грузии в разное время находилась под контролем римлян, понтийцев, персов, арабов, монголов, осман и др.

На территории современной Грузии существовало множество суверенных княжеств и царств, давших начало созданию современных районов Грузии со своими уникальными социо-культурными кодами. При этом процесс образования грузинской нации как таковой не завершился с образованием Грузинской демократической республики в 1920-х, Грузинской ССР (1921-1991) или Республики Грузия. Напротив, как будет показано ниже, именно усилия по созданию гомогенной моноэтнической нации приводят к усилению внутренней напряженности и не способствуют стабилизации политической сферы.

Как в исторической ретроспективе, так и в настоящее время важнейшим фактором влияния на политическое пространство являются глобальные устремления стран, видящих Грузию зоной своих политических интересов.

Это, в первую очередь, США, внешняя политика которых состоит как в непосредственном влиянии, так в вовлечении Грузии в блок НАТО. Следует отметить, что на всем протяжении своей новейшей истории руководство Грузии поддерживает курс на вхождение в этот военный союз как альтернативу военно-техническому сотрудничеству с Россией, возможность укрепления собственных вооруженных сил и решению проблем внутренней политики. Будучи руководителями страны Э.М. Шеварнадзе и сменивший его М. Н. Саакашвили предпринимали значительные усилия по введению Грузии в различные программы сотрудничества с НАТО, а официальные структуры Северо-Атлантического альянса планомерно наращивают своё присутствие в Грузии[2]. Причиной этому является стратегическое положение Грузии в Кавказско-Черноморском регионе на перекрестке экономических, социальных, политических путей между Турцией и другими странами Востока и Россией, странами Южного Кавказа и далее - с Европейскими странами.

К глобальному фактору влияния можно отнести и поддержку стремления руководства Грузии к вступлению в блок НАТО со стороны ряда стран Евросоюза. Наиболее активно этот коллективный актор проявил себя во время событий 2008 года, когда в ответ на агрессию Грузии силы обороны Абхазии, Южной Осетии и вступивший на защиту российских граждан ВС РФ стали активно противодействовать и повели наступательные операции, в Тбилиси прибыли руководители Литвы, Польши, Эстонии и присоединившейся к ним Украины. Присутствие Украины здесь не случайно. Украина, наряду с Грузией, входит в объединение стран ГУАМ (объединение Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы), наибольшая активность которого была заметна в тот период.

Несмотря на прямое взаимодействие руководства Грузии с США, странами Евросоюза или ГУАМ общая структура коммуникаций в этом направлении носит преимущественно иерархический характер. Наибольшим влиянием пользуется США, далее Евросюз в целом, далее - группа стран Балтии и Польша (как традиционные поборники антироссийской деятельности) и, наконец, страны, чьё руководство, как и руководство Грузии, стремится в НАТО и Евросоюз. На период 2005-2008 годов это были Украина, Молдова и Азербайджан. К концу 2010-х годов в высших слоях Молдавии и Азербайджана, да и в самой Грузии стал распространяться более взвешенный и прагматичный подход на развитие отношений с соседними странами и прежде всего с Россией.

Грузия связана с Россией многовековой историей дружественных отношений, а также историческим опытом нахождения в Российской

империи XIX века и СССР – XX века, а также торгово-экономическими связями. Российский рынок является ближайшим и наиболее предпочтительным для экономики Грузии, именно благодаря традиционным связям, отлаженным логистическим и иным схемам.

Для Российской Федерации отношения с Грузией важны не только в экономической сфере, но и в политической. Предсказуемая внешняя политика является важным фактором мира в стратегическом для России Кавказском регионе. В то же время Россия, как актор процесса мирного урегулирования конфликта между Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией и гарант безопасности Абхазии и Южной Осетии не может оставить Грузию вне своего внимания.

Перейдя с глобального макро-уровня на мезо-уровень регионального взаимодействия, мы определяем разнонаправленное влияние стран Черноморского региона. На региональном уровне происходит взаимодействие с Россией. Как отмечалось выше, во второй половине 2010-х годов руководство Грузии начало практиковать гораздо больший прагматизм, сосредоточившись на укреплении экономических связей. Как отмечал премьер-министр Грузии Георгий Квирикшвили на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2018: «Гарантом нашей безопасности должны стать хорошие экономические и политические отношения со всеми соседями и игроками. Мы хотим интегрироваться с ЕС и Западом, мы хотим наладить хорошие отношения с Россией и другими сторонами»[3]. При этом открытым остаётся вопрос о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, а мирный переговорный процесс практически заморожен.

Неоднозначными остаются отношения и с Турцией. Грузия для Турции играет важную роль в деле обеспечения экономического транзита, и в этом плане отношения двух стран динамично развиваются. Турция стремится усилить свое влияние в регионе, играть роль регионального лидера и её влияние велико во всем кавказском регионе. Являясь страной с преимущественно мусульманским населением, Турция в первую очередь позиционирует себя как центр мусульманской религии и способствует её распространению в регионе. К сожалению, это сопровождается усилением экстремистских, радикальных религиозных групп в Аджарии с преимущественно мусульманским населением.

На внешнюю политику Грузии оказывают существенное влияние акторы, коммуницирующие внутри самой страны. Прежде всего, это политические партии. Опыт партийного строительства в Грузии восходит к концу XIX - началу XX века. Развитие революционного движения в Российской империи привело к формированию политических партий и

движений как социалистического, так и националистического толка. Так первая партия социал-демократического толка – მესამე დასი (Месаме-даси – Третья группа) была учреждена в 1892 г группой интеллигенции и промышленников. Оставляя в стороне исторический экскурс о партийном строительстве в Грузии, отметим, что в настоящее время в Грузии зарегистрировано более 200 партий[4]. Партии, набравшие на выборах три и более процента голосов, получают финансирование из бюджета пропорционально доле избирателей, поддержавших ту или иную партию. В настоящее время таких партий более двадцати. Далеко не все зарегистрированные партии можно отнести к акторам, оказывающим существенное влияние на политическую сферу Грузии. Столь большое число партий объясняется политической традицией формирования партий вокруг харизматичных лидеров. По мировоззрению большую часть партий можно отнести к националистам как умеренного, так и радикального толка.

В целом, несмотря на большое число партий, политическая дискуссия вместо политического силового противодействия начала развиваться лишь в последние годы. Курс на построение моноэтнического, моноконфессионального государства, осуществлявшийся руководством Грузии на протяжении 1990-2010-х годов привел практически к расколу общества. Как отмечалось выше, попытки построить нацию на моноэтнической основе не имеют ни исторического, ни этнического, ни социального основания. Тем более что этническая нация не может быть создана силовыми методами. Активизация грузинской этнической элиты влечет за собой сепаратистские настроения среди этнических общин сванов, менгрелов и других этносов, населяющих Грузию.

Религия является одним из важнейших институтов, сплачивающих грузинское общество. В качестве самостоятельных акторов мы можем отметить руководителей конфессий, прежде всего Патриарха Илию, руководящего самой крупной (более 80% верующих) православной конфессией Грузинской православной церкви. Стоит отметить, что в настоящее время Патриарх и Синод Грузинской православной церкви стоят на националистических позициях и их деятельность, к сожалению, направлена не на умиротворение верующих, а на непримиримое противодействие прагматичной политике правительства.

Наблюдается и активность мусульманской общины, доля которой составляет около 10% верующих. При этом наряду с традиционным исламом, который исповедует часть аджарского, азербайджанского населения, отмечается и некоторая радикализация части верующих.

Грузия как ключевой актор в Черноморском регионе, играет важную роль в геополитическом пространстве региона. Для стабилизации конфликт-консенсусной ситуации необходимо учесть взаимодействие глобальных, региональных и локальных акторов.

Список источников и литературы:

1. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва: Академкнига, 2003. — С. 216—222.
2. Relations with Georgia // North Atlantic Treaty Organization – официальный сайт [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_38988.htm (дата обращения: 23.12.2016).
3. Премьер-министр Грузии: «Нам не нужна защита НАТО» // Geomigrant - Грузия всегда с тобой Информационно - справочный портал о Грузии. [Электронный ресурс] URL: www.geomigrant.com/2018/01/23/премьер-министр-грузии-нам-не-нужна-защита-нато (дата обращения: 04.03.2017)
4. საქართველოს იუსტიციის სამინისტროს მიერ ეგისტრირებული მოქალაქეთა პოლიტიკური გაერთიანებების (პარტიების) რეესტრი /Список зарегистрированных политических союзов // Министерство юстиции Грузии [Электронный ресурс] <http://www.webcitation.org/6AWDWxqdf> (дата обращения: 23.12.2016).

Бабаин А. В.

Аспирант Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве России
andrrey@rambler.ru

A. Babain

Postgraduate Student of the Political Science Department at the Financial
University under the Government of the Russian Federation
andrrey@rambler.ru

О деятельности международной террористической организации ИГИЛ в Центральной Азии

International Terrorist Organization Isis Activity In Central Asia

Аннотация: Радикализация ислама на пространстве Центральной Азии на протяжении уже трёх десятилетий остаётся серьёзной проблемой для правительств светских государств региона. Постоянная эволюция исламистских движений и совершенствование используемых ими мер, существенно усложняют возможности противодействия этому явлению. Возникновение и довольно успешное функционирование такого квази-государственного образования как международная террористическая организация ИГИЛ, а также его претензии на территорию Центральной Азии вызывает серьёзные опасения как у представителей правящих кругов региона, так и у большинства экспертов.

Ключевые слова: Центральная Азия, ИГИЛ, радикальный ислам, терроризм, Сирия.

Abstract: The Islamic radicalization in Central Asia since the disintegration of Soviet Union still staying serious problem for the secular governments of the region. The improvement of measures used by terrorists and constant evolution of the Islamist movements make it much more difficult to counteract this phenomenon. The origination and quite successful functioning of such quasi-public entity as the international terrorist organization ISIS and its claims on the Central Asia territory, raises serious concerns of the ruling circles of the region and the majority of experts.

Keywords: Central Asia, ISIS, radical Islam, terrorism, Syria.

В современной деятельности международной террористической организации ИГИЛ все отчетливее в последнее время наблюдается центральноазиатский след. Свидетельством этому являются совершенные за последние 2 года крупные террористические акты, совершенные уроженцами стран Центральной Азии:

– 28 июня 2016 г. атака на аэропорт имени Ататюрка в Стамбуле. Терракт совершили 3 вооруженных террориста: гражданин России, Узбекистана и Кыргызстана;

– 31 декабря 2016 г. терракт в ночном клубе Riena в Стамбуле совершен выходцем из Узбекистана Абдулкадиром Машариповым известным также как Мухаммед Хорасани;

– 3 апреля 2017 г. взрыв в метро г. Санкт-Петербурга осуществил Акбаржон Джалилов этнический узбек, уроженец г. Ош;

– 7 апреля 2017 г. в Стокгольме Рахмат Акилов, используя грузовик, совершил наезд на толпу прохожих, при этом внутри автомобиля находилось взрывное устройство, которое террорист не успел активировать.

Учитывая тот факт, что ВКС России совместно с представителями международной коалиции успешно проводят военные операции на территории Сирийской Арабской Республики, это приводит к тому, что террористы ИГИЛ стремительно теряют свои позиции и вынуждены переносить активность с территории Ближнего Востока на подконтрольные им территории в других регионах мира.

Наиболее вероятным видится постепенное перемещение боевиков в Афганистан, на территорию так называемого «вилаята Хорасан». Учитывая тот факт, что на стороне террористов в Сирии по данным МИД РФ воюет около 10 тысяч боевиков из стран СНГ, из которых около 5 тысяч - представители Центральной Азии, велика вероятность того, что целью устремлений боевиков станут государства региона и Российская Федерация[5].

Свидетельством этому служит и выступление заместителя секретаря Совета безопасности Российской Федерации Р.Г. Нургалиева, в котором он заявил о наметившейся устойчивой тенденции возврата боевиков, воевавших на стороне террористов в Сирии и Ираке в центральноазиатские государства, «из них формируются так называемые «спящие ячейки», готовые к активным действиям в любой момент»[2].

Возвращение боевиков в страны их происхождения полностью вписывается в парадигму главарей ИГИЛ по расширению географии своего влияния. Возвращающиеся террористы, получившие навыки ведения боевых

действий, саперного дела, а также поддержания конспиративной связи, объединяются в автономные боевые ячейки, готовые к выполнению установок по совершению терактов.

Следует отметить, что с появлением ИГИЛ в регионе аффилированные с этой организацией группировки переняли формы и методы вербовки новых сторонников в свои ряды. До недавнего времени деятельность этой организации на территории Центральной Азии и Афгано-Пакистанской зоны сводилась в основном к следующему:

- распространению радикальной исламистской идеологии;
- вербовке сторонников для переправки боевиков на территорию боевых действий в Сирии и Ираке;
- созданию и поддержанию террористических сетей на территории региона.

В настоящее время основной упор в регионе исламистами делается на вербовку через социальные сети (Одноклассники, Вконтакте, Facebook), страницы блогеров, религиозные форумы, и сообщества. К успешно освоенным приемам террористов следует также отнести - более осознанное привлечение к поддержке терроризма профессионалов со светским образованием (программистов, инженеров, врачей), а также молодежи, обладающей знаниями в области IT и имеющей опыт работы в социальных сетях. Всё это говорит о заинтересованности лидеров ИГИЛ в увеличении интеллектуального и пропагандистского потенциала организации.

Активно способствует вовлечению представителей Центральной Азии в ряды террористов та часть мощного пропагандистского аппарата, которая включает в себя несколько информационных агентств полностью подконтрольных ИГИЛ:

- медиа-центр «Аль-Хайят» (Alhayat Media Center), производит контент на иностранных языках в частности на русском языке и рассчитан на вовлечение в ряды террористов новых сторонников из числа граждан СНГ. Наиболее мощным пропагандистским русскоязычным изданием являлся журнал «Dabiq», в котором печатались статьи религиозноидеологического содержания и сводки о ходе боевых действий. После потери террористами одноименного города данный журнал был закрыт. Параллельно с этим изданием в интернете распространяются журналы «Исток» и «Румия», основной акцент в содержании которых делается на привлечение именно представителей Центральной Азии[4].

- медиа-агентство «Furat Media». Занимается объединением всех имеющихся у «Халифата» русскоязычных информационных ресурсов в интернете с целью более эффективного ведения пропаганды, а также

выпускает видеопродукцию, ориентированную на преимущественно русскоязычное население региона[1].

– медиа-фонд «Айнад» (Ajnad Media Foundation), распространяет проповеди, исламскую религиозную музыку, песни и стихи, которые не возбращаются шариатом[9].

Сегодня достаточно частыми являются случаи, когда крупные лидеры террористических отрядов, воюющих на территории Ближнего Востока, бегут с поля боя путем инсценировки собственной гибели, оставляя вместо себя чужие тела, которые выдают за свои. Из зоны боевых действий они выбираются, используя переделанные документы погибших террористов, выдавая себя за беженцев и пытаясь ввести в заблуждение правоохранительные органы. Если арабоязычные террористы пытаются выбраться на территорию стран ЕС, то русскоязычные боевики стремятся прежде всего проникнуть на территорию стран СНГ, при этом они нередко ищут возможности легализоваться в третьих странах. Наиболее яркими примерами таких стран являются Украина и Грузия[8].

Особое внимание следует уделить вопросу возвращения женщин, с территорий подконтрольных террористам. Несмотря на то, что женщины-экстремистки вовлечены в действия боевиков ИГИЛ в основном в качестве сестер милосердия, они организуют быт боевиков, занимаются воспитанием детей и по большей части не участвуют в военных операциях, они активно занимаются пропагандистской работой, агитируют других женщин к участию в террористически актов на территории других стран. Особую опасность для региона могут представлять женщины, вернувшиеся в страны СНГ после гибели своих мужей, существует вероятность их участия в террористических актах, а также использование их боевиками в качестве террористок-смертниц. Особенно опасна та категория радикализированных женщин, которая не проявляет активность в социальных сетях и не попадает в поле зрения правоохранительных органов. Кроме того, вернувшиеся в страны их исхода женщины-боевики могут использоваться террористами в качестве разведчиц, координаторов спящих ячеек или связных[6].

Следует отметить, что существует опасность, которая исходит от женщин, воспитывающих детей на территориях, подконтрольных ИГИЛ. Они формируют в сознании детей определенное мировоззрение, оправдывают ведение вооруженной борьбы, подготавливая таким образом будущих террористов. Женщины воспроизводят и передают идеологию джихада своим детям. Уже сам факт того, что мать разделяет идеи джихада, придает этой идеологии легитимность в глазах детей[7].

В рядах террористических группировок воюющих на Ближнем Востоке, в том числе и этнических батальонов из представителей Центральной Азии, детей уже активно используют в террористической деятельности. Ярким примером этому может служить группировка «Джамаат Имама Бухари», где сын амира шейха Салахуддина Умар, которому было 14 лет, довольно успешно выполнял функции командира одного из отрядов этого формирования. Это не единичный случай, боевики активно используют детей в возрасте от 9 до 14 лет в качестве «джихадистов»[3].

Использование террористами детей и женщин несет в себе серьезную угрозу для всего пространства СНГ. Учитывая общую тенденцию переезда боевиков из ближневосточного региона на территорию вилаята «Хорасан», женщины и дети, получившие некоторый боевой опыт, могут использоваться террористами для совершения терактов как на территории центральноазиатских государств, так и в России.

Представляется, что одним из важнейших резервов повышения эффективности противодействия государствам региона угрозам, исходящим от ИГИЛ, является совместная оценка их антитеррористической и антиэкстремистской деятельности, что в свою очередь позволит предопределить возможность прогнозирования развития рисков и угроз безопасности как для отдельных государств, так и для пространства СНГ в целом.

Список источников и литературы:

1. Ануфриенко С. Средства массовой информации в коммуникационной стратегии терроризма / Ереван 21 Век, № 3(36), 2015. С. 50-66.
2. Воевавшие в Сирии боевики угрожают Центральной Азии - Совбез РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://eurasia.expert/print/boeviki-ugrozhayut-tsentralnoy-azii-sovbez-rf/> (дата обращения: 21.06.2017)
3. «Джихад» без возрастных ограничений // [Электронный ресурс] URL: http://www.stop-sekta.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=637:qq-&catid=54:2010-06-03-05-%2050-54 (дата обращения: 20.06.2017).
4. Колозариди П., Ильин А. Исламское Медиагосударство. DABIQ, пропагандистский журнал Исламского государства, 9 выпуск / Индекс безопасности №1 (112), том 21, 2016. С. 161-168.
5. МИД РФ: около 10 тысяч боевиков из стран СНГ воевали на стороне террористов в Сирии // [Электронный ресурс] URL:

<http://tass.ru/politika/4583035> (дата обращения: 21.06.2017)

6. *Новикова О.* Женщины в ИГ / Россия и мусульманский мир. М.: Научноинформационный бюллетень № 7 (301), 2017. С. 84-102.
7. *Пересин А.* Террор с женским лицом / Per Concordiam Том 6, № 4, 2015. С. 30-35.
8. *Расторгуев Н.* Россия не допустит возвращения тысяч боевиков-«недобитков» из ИГ// [Электронный ресурс] <https://riafan.ru/958128-siriya-rossiya-ne-dopustit-vozvrasheniya-tysyach-boevikov-nedobitkov-iz-ig> (дата обращения: 19.06.2017)
9. *Рачинский В.П.* Структура вооруженных сил и идеология исламского государства Ирака и Леванта / Вестник Брянского государственного университета. № 1(27), 2016. с.74–82.

Нестеров А. К.

Аспирант Дипломатической академии МИД России

aleksey_nesterov11@mail.ru

A. Nesterov

Postgraduate Student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

aleksey_nesterov11@mail.ru

Влияние американской стратегии сдерживания на двусторонние отношения США и Китая на современном этапе

American deterrence strategy impact on US-China bilateral relations

Аннотация: В нынешнем тысячелетии Китай является одним из ключевых международных политических и экономических центров силы. Его динамичное развитие привело к смене баланса сил не только в регионе Восточной Азии, но и в мире. Вероятность потери главенствующей роли на мировой арене является неприемлемым для США. Китай, укрепляя свой международный авторитет, наносит удар по глобальным интересам Соединенных Штатов, становясь одним из основных оппонентов и вызовов национальной безопасности США. В связи с этим в настоящее время Соединенные Штаты используют весь потенциал, чтобы сдержать дальнейшее расширение влияния Китая. Среди ключевых методов американской стратегии сдерживания КНР можно выделить военно-политическое противоборство и препятствие развитию экономики Поднебесной.

Ключевые слова: США, КНР, стратегия сдерживания, международная безопасность, геополитика, торговые санкции.

Abstract: In XXI century China is one of the key international political and economic power centers. Its dynamic development has led to a change in the balance of power, not only in the East Asia region, but also in the world. The possibility of losing the dominant role in the world arena is unacceptable for the US foreign policy strategy. China, strengthening its international authority, damages the global interests of the United States, thereby becoming one of the main opponents and threats to US national security. In this regard, the United States uses all the potential to contain further expansion of China's influence. The key methods

of the American deterrence strategy of China are: military and political confrontation as well as prevent measures of further economic development in the country.

Key words: the United States, China, deterrence strategy, international security, geopolitics, trade sanctions.

На рубеже столетий одним из знаковых событий для всего мирового сообщества стало динамичное развитие Китайской Народной Республики. Проводя прагматичный и сбалансированный внешнеполитический курс, Китай гибко реагирует на меняющуюся международную обстановку, гармонично выстраивая отношения со странами Европы, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. Возрастающая роль КНР на мировой политической арене и стремительный экономический подъем заявлены Китаем как «период больших стратегических возможностей» и направлены на обеспечение национальных долгосрочных целей КНР.

За короткий период Китай стал одним из мировых стран-лидеров, влияющий на формирование актуальной повестки дня. Благодаря быстрому экономическому росту, КНР также обеспечил себе статус мощной военной державы, обладающей третьим в мире по мощности ядерным арсеналом. Однако глобальные амбиции Китая коренным образом отличаются от стратегии глобального доминирования, которую пытаются проводить Соединенные Штаты. КНР не стремится навязать коммунистическую модель внутриполитического устройства и не претендуют на статус «китайской исключительности». Сущность стратегии Китая заключается в обеспечении равных прав среди всех государств, в освоении ключевых позиций в формировании нового миропорядка и демонстрации мировому сообществу готовность нести ответственность за общее развитие мира.

Проводя разновекторный внешнеполитический курс, Китайская Народная Республика перекраивает сферы влияния в свою пользу, тем самым вытесняет Соединенные Штаты из тех регионов, где до недавнего времени они доминировали. Таким образом, в настоящее время можно наблюдать снижение роли США в мировых политических и экономических процессах, в то время как Китай наращивает глобальный политико-экономический вес. Подобная ситуация не отвечает международным стратегическим планам Соединенных Штатов. В этой связи США начали предпринимать определенный набор мер с целью сдержать развитие КНР.

В американской научной среде под термином сдерживание понимается «возможность актора осуществить массированные военные действия и

широкий круг угроз наказания в ответ на нападение с целью удержать кого-либо от серьезных размышлений насчет нанесения удара»[3]. Между тем, стоит отметить, что появление ядерного вооружения предало новый импульс развития концепции сдерживания, расширив перечень возможных мер в отношении целевого оппонента. При этом государство обладающие ядерным оружием имеет возможность нанести противнику быстрый и несопоставимый, с другими типами вооружения, разрушительный удар. В таких условиях сдерживание основывается на том, что потенциальный оппонент не может точно просчитать дальнейшее развитие событий в случае нападения на ядерную державу, сохранит ли он потенциал нанести ответный, а также целесообразно ли нападение с точки зрения соотношения возможной выгоды и потерь.

Актуальность и важность стратегии сдерживания в современном американском внешнеполитическом курсе подчеркивает военно-политическое руководство. Например, генерал ВВС США Джон Э. Хайтен, выступая в Сенате, заявил: «Сдерживание является основой безопасности США на протяжении десятилетий, и сегодняшняя ядерная сила остается важной, надежной и дееспособной. Однако в XXI веке сдерживание — это больше, чем только ядерное оружие»[4]. В связи с этим Соединенные Штаты особое внимание уделяют модернизации и разработки новых мер сдерживания оппонентов, в первую очередь России, Китая, Северной Кореи, а также Ирана.

В то же время российский политолог А. Неукропный выделяет четыре вектора американской политики сдерживания в отношении Китая: первый носит чисто экономический характер (препятствие ускорения промышленного развития Китая при стимулировании собственного), второй и третий носят политический характер (нейтрализация китайских союзников при сколачивании широкой антикитайской коалиции), а четвертый и вовсе подразумевает открытое силовое столкновение [5]. Рассматривая возможные сценарии трансформации подхода США в отношении Китая трудно не согласиться с мнением автора, что торгово-экономические рычаги давления на Китай в настоящее время играют ключевую роль в американской стратегии сдерживания. В первую очередь это доказывает повышение пошлин на китайские товары, а также ввод ограничений на экспорт в КНР высокотехнологичной продукции США. Вместе с тем, можно констатировать, что для усиления сдерживания Китая Соединенные Штаты активно наращивают сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии и зоны АТР. При этом особый акцент делается на взаимодействие в военной и экономической сфере, в частности с Индией и Республикой Корея. Между

тем выдвинутый российским политологом А.Неукропным спорный тезис о том, что в рамках стратегии сдерживания КНР Соединенные Штаты готовы к прямому силовому столкновению выглядит маловероятным. В настоящее время укрепление влияния США в Азиатско-Тихоокеанском регионе занимает первостепенное место во внешнеполитическом векторе Соединенных Штатов. В связи с этим начало силовой конфронтации в данном регионе идет в разрез текущему подходу США и американским национальным интересам.

В то же время стоит отметить, что вопрос сдерживания Китая поднимался задолго до нынешнего обострения отношений США и КНР, а также публикаций новых американских концептуальных документах. В ходе предвыборной президентской кампании Д.Трамп многократно заявлял о военной угрозе и экономическом ущербе со стороны Китая, а также необходимости решительных действий Соединенных Штатов с целью сдержать экспансию КНР.

Вместе с тем в действующей Стратегии национальной безопасности США 2017, в отличие от предыдущей редакции 2015 года, Китай стал одной из главных угроз для Соединенных Штатов. В частности, отмечается, что «Китай, наряду с Россией, стремится бросить вызов американскому влиянию, ценностям и богатству. Китай возвращает свое влияние в своих регионах и глобально. Сегодня он развивает военные возможности, чтобы пошатнуть американский подход в предотвращении кризисов и оспорить нашу способность к независимым действиям в горячих точках и в области экономики в мирное время. Таким образом, он ставит под сомнение наши геополитические преимущества и пытается изменить международный порядок в свою пользу» [6]. Особую озабоченность у Соединенных Штатов также вызывает стремление Китайской Народной Республики расширить круг сотрудничества со странами в разных регионах мира. В частности, укрепление союзнических отношений в военной области с государствами вблизи Индийского океана, что может в дальнейшем привести к снижению уровня влияния США и укреплению роли КНР в регионе.

Тенденция на ужесточение риторики в отношении Китая также наблюдается в многочисленных заявлениях официальных лиц Соединенных Штатов. Например, Госсекретарь США М.Помпео высказывал мнение о том, что «КНР является основным соперником США на международной арене в среднесрочной и долгосрочной перспективе» [7]. В связи с этим, представляется, что жесткая, консервативная позиция М.Помпео в отношении Китайской Народной Республики приведет к росту напряженности в отношениях между двух стран. Между тем, стремительная

модернизация военного потенциала КНР бросает вызов интересам США в первую очередь в зоне АТР. В случае, если подобная тенденция сохранится, это может привести к полноценному крупномасштабному противостоянию. В связи с этим, как отмечает Глава Тихоокеанского командования ВС США адмирал Х.Харрис «Китай будет делать все возможное, чтобы подорвать международный порядок»[8].

Рассматривая возможные методы давления Соединенных Штатов на КНР российский политолог А.Островской выделяет прежде всего укрепление сотрудничества США с главными союзниками — Японией и Южной Кореей, а также применение финансовых инструментов, направленные в первую очередь на ослабление юаня. Вместе с тем, Соединенные Штаты будут использовать Тайвань, с помощью которого на Китай также можно оказывать влияние»[9].

Текущие события показывают, что в первую очередь американская стратегия сдерживания против Китая будет направлена на возвращение контроля над АТР. Следствием этого стало осознание руководством Соединенных Штатов утраты лидерских позиций в данном регионе, наряду с появлением объективной необходимости поиска новых способов продвижения интересов в Азии и расширения сферы влияния и закрепления своего положения в стратегически важных регионах.

За последние годы Китайская Народная Республика укрепила свое влияние в Южно-Китайском море. В 2016 году Китай провел модернизацию военной инфраструктуры на имеющихся островах и построил 7 новых объектов, также осуществил масштабные строительные работы по возведению инфраструктурных и военных объектов на рифе Файэри Кросс архипелага Спратли на площади 110 тыс. м²[10]. Стратегическая ценность региона заключается в том, что он соединяет Индийский океан и Средиземное море, тем самым выполняя торговую функцию. В дополнение, согласно планам Китая, по этой территории будет пролегать Морской шелковый путь нынешнего тысячелетия. Согласно официальной позиции Соединенных Штатов «действия Китая усиливают напряженность в АТР. Например, его претензии почти по всему Южно-Китайскому морю не соответствуют международному праву, а агрессивные меры по мелиорации земель позволяют ему разместить военные силы на важнейших международных морских линиях»[11:2].

Практические действия подтверждают, что США уже запустили процесс сдерживания Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Во-первых, США совершили военный поворот к Азии. К 2020 году США намерены сосредоточить 60 процентов сил ВМС и ВВС в зоне АТР. Соединенные

Штаты также продолжают наращивать инвестиции в разработку новых атомных подлодок и стратегические бомбардировщики. Главной целью таких маневров очевидно является сдерживание, по мнению США, все более агрессивного КНР.

Территориальные амбиции Китая представляют угрозу практически всем государствам так называемой «первой цепи островов», а именно Японии, Филиппин и Тайваня, перед которыми Соединенные Штаты взяли на себя ответственность в обеспечении безопасности. Действия США в АТР показывают готовность к решительным мерам, чтобы надежно сдерживать китайскую агрессию. Нынешний расклад сил в регионе складывается в пользу Китая и ставит под сомнение возможность США оказать военную поддержку партнерам и союзникам. В настоящее время Соединенные Штаты сохраняют приверженность сдерживанию через перспективу наказания в виде морской блокады или авиаударов, чтобы тем самым вынудить КНР отказаться от дальнейших территориальных притязаний в регионе. Главной же задачей США остается сдерживание посредством лишения доступа, то есть заставить понять КНР, что расположение военной инфраструктуры на спорных территориях обеспечит тем самым достижение поставленных целей.

С точки зрения экспертов, Соединенным Штатам, а также их союзникам и партнерам стоит использовать потенциал сухопутных войск США, чтобы сформировать систему взаимосвязанных оборонных рубежей, а именно своеобразную «архипелажную оборону». Американский аналитик Э. Крепиневич предлагает следующий алгоритм действий: «Соединенным Штатам нужно лишить Китай возможности контролировать воздушное и морское пространство вокруг «первой цепи островов», поскольку, доминируя в воздухе и на море, НОАК (Народно-освободительная армия Китая – А.Н.) сможет изолировать архипелаг. Соединенным Штатам также необходимо интегрировать боевые системы союзников и усовершенствовать их арсеналы – это позволит противодействовать усилиям НОАК по дестабилизации военного баланса в регионе. Этим целей можно добиться с помощью сухопутных войск, которые не заменят существующие ВВС и ВМС, а дополнят их»[12]. В то же время в рамках перспективных мер сдерживания Китая Соединенные Штаты рассматривают возможность размещения систем ПВО. Тем самым США стремится нивелировать доступ КНР в воздушном пространстве. В связи с этим Соединенные Штаты готовы развернуть армейские сухопутные подразделения, которые будут укомплектованы мобильными ракетами-перехватчиками малого радиуса действия. При этом среди возможных мест дислокации данных воинских формирований военно-политическое руководство США рассматривает

страны-союзники, расположенные вдоль так называемой «первой цепи островов».

С целью осуществления силового сдерживания Китая, наращивания военной мощи в регионе и под предлогом ядерной угрозы со стороны КНДР, который регулярно проводил испытания, Соединенные Штаты также разместили противоракетный комплекс ТНААД (Terminal High Altitude Area Defense) на территории Республики Корея. Данная система ПРО предназначена для высотного заатмосферного перехвата ракет малого и среднего радиуса действия. Таким образом, США получили дополнительную полноценную батарею ПРО в зоне АТР. Вся военная инфраструктура включает в себя радар, системы управления и контроля, шести пусковых установок с восемью противоракетами в каждой, а также двести человек личного состава, которые обеспечивают работу дееспособность объекта.

Стоит отметить, что Соединенные Штаты осуществляют одностороннее управление батареями и не согласовывают свои действия с представителями Южной Кореи. В этой связи развертывание комплекса ТНААД вызывает беспокойство не только Китая, но и России. Как заявил директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России М.И.Ульянов, «это чревато обострением ситуации в данном регионе, потому что это касается не только обострения с Пхеньяном, но и Пекин тоже очень болезненно реагирует. Все это ведет к обострению ситуации, и мы, конечно, будем учитывать это в военном планировании»[13]. В тоже время жесткую оценку действий США дал официальный представитель МИД КНР Гэн Шуан: «Китайская сторона выступает категорически против размещения американских ПРО ТНААД в Южной Корее. Пекин решительно настаивает, чтобы и Южная Корея, и США объективно оценивали интересы китайской стороны, прекратили процесс размещения и свернули соответствующие установки»[14].

В настоящее время Соединенные Штаты также перешли к активному экономическому сдерживанию Китая. Будучи еще кандидатом в президенты США, а также после вступления в должность Д.Трампа многократно заявлял, что «мы (Соединенные Штаты – А.Н.) не можем больше продолжать разрешать Китаю насилловать нашу страну, именно то, что они делают сейчас»[15]. В дальнейшем подобные заявления стали одним из главных направлений концептуальных подходов США во внешней политике. В частности, в Стратегии национальной безопасности 2017 отражено: «Мы (США – А.Н.) будем работать с нашими партнерами, чтобы противостоять недобросовестной торговой и экономической политике Китая и ограничивать ему доступ к необходимым технологиям»[6].

В качестве дополнительных мер сдерживания экономического развития Китая 22 марта 2018 года Президент Д.Трамп подписал первый пакет торговых пошлин против КНР. В соответствии с планом Соединенных Штатов размер убытков Китая может составить около 50 млрд. дол. В санкционный список попали более 1300 китайских товаров, которые будут облагаться 25-процентной пошлиной. Президент Д.Трамп также дал поручение Казначейству США разработать перечень мер с целью ограничить инвестиционные возможности Китая в Соединенных Штатах[16]. В первую очередь под санкции попали высокотехнологичные отрасли – космос, информационная и коммуникационная продукция, машиностроение. В то же время потребительские товары в список не включены, так как это негативно скажется на потребителях в США.

И все же введение торговых пошлин в отношении Китая может оказать негативный эффект в отношении экономики Соединенных Штатов. Американский эксперт Э.Медейрос пишет: «В течение ближайших 12 месяцев Китай может противопоставить гораздо больше, чем может сделать США. Китай не ограничен верховенством закона или представительной демократией. У Китая есть больше рычагов давления, чтобы наказать Соединенные Штаты. Китай может прекратить сотрудничество по Северной Корее, продать госдолг США, а также усложнить жизнь американским компаниям, которые работают в Китае таким как: Nike, Disney или Apple»[17].

Ввод торговых пошлин в отношении КНР также свидетельствует, с одной стороны, о политической неопытности президента США Д.Трампа, с другой, может отрицательно сказаться на международной репутации Соединенных Штатов. Экономические методы сдерживания Китая могут иметь обратный эффект и нанести ущерб интересам США. При этом действующая политика Соединенных Штатов в области международной торговли, например, выход США из договора по Транстихоокеанского партнерства, а также повышение пошлин на товары Китая и стран Европейского союза, может оказать дополнительный негативный эффект и так ослабленной общемировой экономической конъюнктуре. Следовательно, в перспективе это может замедлить рост экономик, в первую очередь ведущих государств мира. Вместе с тем нынешние односторонние протекционистские меры Соединенных Штатов также отрицательно скажутся на функционирование органов глобального торгово-экономического управления, в первую очередь деятельность Всемирной торговой организации и «Группы двадцати», работа которых, по мнению действующего руководства США, малоэффективна и наносит ущерб

национальным интересам Соединенных Штатов. В связи с этим Президент США Д. Трамп решать торгово-экономические проблемы США посредством односторонних и двусторонних подходов, используя различные рычаги давления и широкий перечень ограничительных мер. Как подчеркивает китайский специалист Сонг Гуою «Администрация Трампа не проявляет сильной воли в глобальной многосторонней координации, и это может блокировать крупное экономическое сотрудничество между крупными государствами. Таким образом, глобальное экономическое управление, вероятно, будет инертным. Например, Трамп отверг Парижское соглашение, краеугольный камень глобального изменения климата, что больше всего вызывает беспокойств» [18].

Усиление влияния Китайской Народной Республики в международных политических и экономических процессах ослабило единоличное лидерство США. С таким государством теперь вынуждены считаться даже те, кто не заинтересован в его стабильном процветании и опасается его новой глобальной роли, понимая, что в ближайшем будущем Китай станет ведущей мировой державой. В определенном смысле глобальный баланс сил изменился в неблагоприятном для американских интересов направлении, став вызовом и угрозой национальным безопасности Соединенных Штатов. Это стало причиной текущего обострения отношений США и КНР, вследствие чего Соединенные Штаты начали разрабатывать и применять все возможные методы с целью сдерживать рост Китая.

На современном этапе американское сдерживание развивается по двум основным направлениям: военно-политическое противоборство и препятствие развитию экономики КНР. Соединенные Штаты активно расширяют силовой потенциал в сопредельных районах с Китайской Народной Республикой. Особое внимание уделяется зоне Азиатско-Тихоокеанского региона с целью купирования военной мощи Китая, в частности, вокруг спорных территорий архипелага Спратли и Парасельских островов.

Экономическая активность Китая бросила вызов глобальному превосходству США в данной сфере. В первую очередь это коснулось торговых отношений между двух стран. США применили наиболее распространенный метод сдерживания против КНР в виде экономических санкционных мер. Однако в данном случае возможности США частично ограничены. Экономики Соединенных Штатов и Китая сильно интегрированы, поэтому резкие необдуманные действия, направленные в отношении бывших партнеров, могут бумерангом нанести вред тому, кто их осуществляет. Кроме того, КНР является главным держателем долговых

обязательств США, и в случае их единовременной продажи Китай может нанести сильный урон американской экономике.

В этой связи основная задача американской стратегии сдерживания Китая заключается в том, чтобы уже в ближайшей перспективе существенно снизить влияние КНР в международных и региональных процессах. В частности, сократить долю китайской Народной Республики в мировом товарообороте, в первую очередь в сфере высокотехнологичной продукции и военной индустрии. Вместе с тем, в рамках стратегии сдерживания Китая Соединенные Штаты будут стремиться расширить круг союзников и партнеров по периметру границ с КНР для наращивания сотрудничества в военно-экономической области, тем самым нивелируя возможности Китая для ответных действий.

Список источников и литературы:

1. *Vazhanov E., Vazhanov N.* Soviet Views on North Korea: the Domestic Scene and Foreign Policy // *Asian Survey*. 1991. Т. 31. № 12. С. 1123-1138
2. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // *Мир и политика*.. 2009. № 6 (33). С. 13-29
3. *Morgan P.* Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 42.
4. Stratcom Chief Testifies on Command's Readiness to Deter, Respond // U.S. Department of Defense, March 20, 2018. – Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1470765/stratcom-chief-testifies-on-commands-readiness-to-deter-respond/> - Дата обращения: 22 марта 2018.
5. *Неукропный А.* Судьбу мира решит противостояние США и Китая? // *ПолитМир*, 24 октября 2017. – Режим доступа: <http://polit-mir.ru/sudbu-mira-reshit-protivostoyanie-ssha-i-kitaya-12353.html> - Дата обращения: 15 апреля 2018.
6. National Security Strategy of the United States of America December 2017 // the White House, December 19, 2017. - Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wpcontent/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> - Дата обращения: 23 марта 2018.
7. Mike Pompeo statements on China, Russia, North Korea, Iran and Syria // CNBC, March 14, 2018. – Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2018/03/14/mike-pompeo-statements-on-china-russia-north-korea-iran-and-syria.html> - Дата обращения: 17 марта 2018.
8. *Westcott B.* Harry Harris, Trump's pick for Australia envoy, slams Beijing's Asia ambitions // CNN, February 21, 2018. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/02/15/asia/harry-harris-australia-china-ambassador-intl/index.html?no-st=1518905554> – Дата обращения: 1 марта 2018.

9. *Полунин А.* США меняют врага: № 1 теперь Китай // СвободнаяПресса, 11 ноября 2016. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/160424/> - Дата обращения: 25 января 2018.
10. A constructive year for Chinese base building // Center for Strategic and International Studies, December 14, 2017. – Режим доступа: <https://amti.csis.org/constructive-year-chinese-building/> - Дата обращения: 12 апреля 2018.
11. The National Military Strategy of the United States of America // the United States Department of Defense, June 1, 2015. – Режим доступа: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf - Дата обращения: 10 октября 2017.
12. *Крепиневич Э.* Как сдержат Китай // Россия в глобальной политике, 15 мая 2015. – Режим доступа: <http://ni.globalaffairs.ru/kak-sderzhat-kitaj/> - Дата обращения 17 апреля 2018.
13. Демонстрация силы: США разворачивают ТНААД в Южной Корее // РИА Новости, 17 марта 2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170307/1489514801.html> - Дата обращения: 23 марта 2018.
14. Китай настаивает на прекращении размещения ТНААД в Южной Корее // Военное обозрение, 29 июля 2017. – Режим доступа: <https://topwar.ru/121503-kitay-nastaivaet-na-prekraschenii-razmescheniya-thaad-v-yuzhnoy-koree.html> - Дата обращения: 10 октября 2017.
15. *Diamond J.* Trump: 'We can't continue to allow China to rape our country' // CNN, May 2, 2016. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2016/05/01/politics/donald-trump-china-rape> - Дата обращения: 10 марта 2018.
16. *Fullerton J., Riley-Smith B.* Donald Trump hits China with \$50 billion in tariffs, raising fears of new trade war // the Telegraph, March 22, 2018. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/03/22/china-says-will-not-hide-trade-war-donald-trump-prepares-announce/> - Дата обращения: 4 апреля 2018.
17. *Long H.* In a U.S.-China trade war, who has more to lose? // the Washington Post, April 5, 2018. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2018/04/05/china-has-more-to-lose-in-a-trade-war-but-trump-has-a-key-weakness/?noredirect=on&utm_term – Дата обращения: 8 апреля 2018.
18. *Guoyou S.* The Trump Administration's Trade Policy and Sino-American Economic Relations // Center for Strategic and International Studies, September 22, 2017. – Режим доступа: <https://www.csis.org/trump-administrations-trade-policy-and-sino-american-economic-relations> - Дата обращения: 26 апреля 2018.

Ноженко Д.Д.

Студент магистратуры Дипломатической академии МИД России

D. Nozhenko

Master's Degree Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation

Проблема распространения ядерного оружия в Северо-Восточной Азии

North-East Asia Nuclear Proliferation Issue

Аннотация: В статье рассматриваются современные аспекты проблемы распространения ядерного оружия в регионе Северо-Восточной Азии (СВА). Анализируется сложившаяся на сегодня международная обстановка в регионе в связи с появлением у КНДР ядерного оружия. Особое внимание уделяется проблеме потенциальных ядерных государств: Республики Корея и Японии. Делается вывод, что наличие ядерного оружия у КНДР нарушает баланс сил в регионе, провоцирует «гонку вооружений». Возможность эскалации сложившейся ситуации в сторону вооружённого военного конфликта представляется низкой, но тенденция к приобретению и модернизации государствами своих вооружений будет усиливаться, что в свою очередь послужит катализатором для увеличения напряжённости в регионе.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, ядерная безопасность, ядерная программа КНДР, Япония, Республика Корея, Соединённые Штаты Америки.

Abstract: The article deals with the contemporary aspects of the nuclear weapon proliferation in the North-East Asia. The author analyzes the situation in the region with the North Korea's acquisition of nuclear weapons. Particular attention is paid to the problem of the nuclear-capable States: Japan and the Republic of Korea. Author comes to the conclusion, that the DPRK's possession of nuclear weapons leads to disruption of the balance in the region and also incites the arms race. The possibility of escalation of the present situation is low, however, the tendency towards the acquisition and modernization of arms will remain strong, which in turn will prove to be a catalyst for the increasing tensions in the region.

Key words: The North-East Asia, nuclear security, the DPRK's nuclear program, Japan, the Republic of Korea, the United States of America.

Северо-Восточная Азия – один из наиболее динамично развивающихся регионов мира, в который смещаются мировые экономические и политические процессы. При всей важности региона с геополитической точки зрения, отсутствие в Северо-Восточной Азии единого подхода к проблеме обеспечения региональной безопасности, отсутствие системы коллективной безопасности как таковой порождает множество угроз и одна из них – опасность распространения в регионе ядерного оружия.

Главные участники международных отношений в СВА, между которыми и развивается соперничество за лидирующие позиции – три ядерных государства: США, Россия и Китай, обладающие так называемой «ядерной триадой». В планы этих ядерных держав никогда не входило появление новых государств с ядерным оружием. Поэтому развитие в КНДР своей военной ядерной программы не только обратило на себя взволнованные взоры всей мировой общественности, но и стало реальной угрозой для СВА. Регион оказался уязвимым перед лицом ядерной угрозы ввиду беспрецедентного случая выхода Северной Кореи из Договора о нераспространении ядерного оружия[1].

Определённой опасностью является и наличие целого ряда потенциальных ядерных держав, именуемых «пороговыми». На данный момент Республика Корея и Япония обладают достаточно развитой атомной энергетикой и технологиями (а также большими запасами плутония), которые могли бы им позволить создать своё ядерное оружие в качестве фактора сдерживания северокорейской угрозы.

Ядерная программа КНДР

Ядерная программа Северной Кореи вызывает озабоченность не только соседних стран (в особенности, Республики Корея и Японии), но и внерегиональных государств на протяжении всей истории ее существования. Особую остроту проблема приобрела в 2003 году, когда КНДР окончательно вышла из ДНЯО, отказавшись от обязательств по договору. С этого же момента велись активные переговоры КНДР с Россией, Южной Кореей, США, Китаем и Японией по денуклеаризации Корейского полуострова, однако они зашли в тупик. В 2005 году КНДР объявила о наличии у себя ядерного оружия, а в 2006 году были проведены первые его испытания.

Ситуация на Корейском полуострове обострилась в начале 2016 года, в течение которого Пхеньян осуществил многочисленные ракетные и ядерные испытания. Последовавшие чередой резолюции и санкции Совета Безопасности не помешали развитию ядерной программы. Последнее ядерное испытание КНДР проведено 3 сентября 2017 года. Соединённые

Штаты тут же объявили о своей готовности внести КНДР в список стран-пособников терроризма и призвали всех мировых лидеров к изоляции Северной Кореи. При этом, требуя от КНДР одностороннего разоружения и прекращения ядерных и баллистических программ, США продолжают проводить масштабные военные учения у ее границ.

Северная Корея, в свою очередь, отказывается идти навстречу мировому сообществу, заявляя о том, что ее действия продиктованы необходимостью защитить свои национальные интересы. Вряд ли сейчас можно сказать о том, что Пхеньян пытается свергнуть режим в Сеуле или объединить под знамёнами коммунизма весь Корейский полуостров. Его цель значительно проще: чтобы северокорейский режим оставили в покое, сняли санкции и дали стране возможность нормально жить и развиваться.

Гонка вооружений

Необходимо отметить значимость гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. На данный момент регион считается вторым после Европы по уровню милитаризации. Количество военных расходов и небольших азиатских стран, и крупных игроков, таких как США и Китай, продолжает стремительно расти[3]. Но если Россия в последние десятилетия отдавала предпочтение развитию обычных вооружений, то КНР, Северная Корея и США напрямую связывают реализацию своих геополитических задач с совершенствованием ядерных вооружений и средств доставки. Так руководство КНР уделяет основное внимание развитию и переоснащению ядерного потенциала страны. При этом отдаётся предпочтение развитию ракетно-ядерных сил и средств тактического и оперативно-тактического назначения, исходя из того, что основные предполагаемые угрозы для безопасности КНР находятся в АТР. Ситуация осложняется закрытостью военно-политических структур ведущих держав региона и отсутствием фактического механизма контроля за развитием их обычных и ядерных потенциалов.

На подобную «гонку вооружений» регион толкает ряд причин: во-первых, рост геополитической активности и влияния Китая, который предпочитает решать проблемы, используя жёсткую силу; во-вторых, новейшие вооружения играют больше политическую роль, их наличие делает страну-обладателя более влиятельным игроком на международной арене в АТР; и в-третьих, общий рост благосостояния стран региона, что позволяет увеличивать их оборонные расходы.

Сложившаяся вокруг КНДР ситуация играет на руку США. Во-первых, Япония и Республика Корея, ощущая сильную угрозу от агрессивного и

иррационального Пхеньяна, стремятся укрепить военно-политические союзы с США, которые, по их мнению, могут гарантировать им безопасность, а потому согласны на размещение на своей территории американских военных баз. США же руководствуются исключительно собственными интересами. Игнорируя объявленные Японией в 1967 году «три неядерных принципа», в том числе, запрет на ввоз в страну ядерного оружия других стран, Вашингтон продолжает направлять для стоянок в Японии военные корабли и самолёты с ядерным оружием на борту. На острове Окинава оно находится на постоянной основе[10]. Такое военно-политическое присутствие США в регионе необходимо в качестве сдерживающего фактора набирающего экономическую и военную мощь Китая и, конечно, КНДР.

Во-вторых, США – крупнейший в мире экспортёр обычных видов вооружений. 2017 год стал для США рекордным после окончания «Холодной войны» по количеству продаж, что, согласно докладу Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), было вызвано вооружёнными конфликтами на Ближнем Востоке и напряжённостью в Азии[9]. Необходимо упомянуть и систему ПРО США. Это не просто механизм отражения потенциальной угрозы от КНДР и сдерживания Китая, но и большие деньги: каждую противоракету союзники приобретают у американцев по цене 30 млрд долларов[12].

«Ядерное домино»

Действия Пхеньяна, рассматриваемые официальным Токио и Сеулом как представляющие угрозу самому существованию двух этих государств, мотивируют их к созданию собственных военных ядерных программ. Япония и Республика Корея- объективно «пороговые» ядерные государства.

Ещё в 2006 году на официальном уровне звучали заявления, что в случае появления у Северной Кореи ядерного оружия, Япония оставит за собой возможность создания «потенциала сдерживания КНДР». Нынешний премьер-министр Японии Синдзо Абэ известен своим стремлением превратить Японию в «нормальную страну», в том числе и путём возвращения ей права обладания вооружёнными силами. В 2014 году Страна Восходящего Солнца приняла ряд законов по ремилитаризации, в том числе по изменению толкования 9 Статьи Конституции Японии, ввиду необходимости избавления от прописанных в ней ограничений. Немаловажное значение приобретает и стремление национальных политических элит укрепить своё положение на внутривнутриполитической арене за счёт агрессивной внешнеполитической риторики. Примером этого может служить активизация националистических тенденций в Японии, которую

уже сейчас называют попыткой «возрождения» страны. Лозунг революции Мэйдзи «Фукоку кехэй» («Богатая страна – сильная армия») как нельзя точно описывает стремления кабинета нынешнего премьер-министра Синдзо Абэ[8].

Токио неоднократно, хотя и с некоторыми оговорками, делал заявления о наличии у страны технологической возможности создания в короткие сроки ядерных боезарядов. 30 ноября 2006 года министр иностранных дел Японии Асо Таро, выступая на заседании комитета по безопасности палаты представителей, заявил, что «Япония владеет технологиями для создания ядерного оружия, но не планирует этого делать». При этом он отметил, что Конституция «не запрещает иметь Японии ядерное оружие». По его мнению, 9-я Статья Конституции Японии позволяет стране обладать минимальным объёмом вооружений, необходимым для целей самообороны, таким образом, и не запрещено даже ядерное оружие, если его объёмы подпадают под это определение[5].

Считается, что Япония на данный момент располагает такими запасами урана и плутония, что их хватит для создания нескольких тысяч единиц ядерного оружия, а сам процесс может занять не более шести недель. Обладая передовыми мировыми технологиями, она сможет создать ядерный боеприпас, отвечающий всем современным требованиям. По имеющейся информации, Япония продолжает наращивать свои запасы накопленного выделенного плутония, объем которых на 2016 год составил 48 тонн. Запуск в 2018 году предприятия по переработке ядерного топлива в Роккасе позволит Токио получать дополнительно 8 тонн выделенного плутония ежегодно[7].

Республика Корея – ещё одно «пороговое» ядерное государство. Однако, в отличие от противоречивой риторики Токио, который то заявляет о своих планах по возвращению стране военной мощи, то твердит о приверженности пацифизму, Сеул позиционирует приверженность политики денуклеаризации Корейского полуострова. В этом вопросе он даже проявляет смелость, отказывая своим американским коллегам в возможности размещения на территории своей страны американского ядерного оружия.

Важно отметить, что как Япония, так и Республика Корея, являясь больше сателлитами США, нежели самостоятельными государствами, вряд ли пойдут на риск создания своих собственных СЯС, а скорее продолжат сотрудничество с Вашингтоном в области ПРО. Конечно, после прихода к власти в Белом Доме Дональда Трампа, ситуация коренным образом меняется. Ещё во время президентской гонки в США Трамп заявлял о способности Японии и Южной Кореи самостоятельно обеспечивать свою

военную защиту, при этом допуская, что ради этого они могли бы обзавестись собственным ядерным оружием. По мнению Белого Дома, создание Японией ядерного оружия может стать дополнительным фактором противостояния японо-американского альянса не столько с КНДР, сколько с Китаем.

Китайская Народная Республика, на данный момент, единственная признанная в Азии ядерная держава, выступает за полный запрет и уничтожение ядерного оружия, в том числе за полную денуклеаризацию Корейского полуострова. При этом Пекин заявляет, что он сохранит полный нейтралитет даже в том случае, если Пхеньян будет угрожать своими ракетами США. Однако, если США и Республика Корея попытаются свергнуть существующий северокорейский режим и направят свои ракеты в сторону КНДР, Китай сделает все, чтобы этому помешать.

Подводя итог, необходимо ещё раз подчеркнуть важность Северо-Восточной Азии как одного из мировых центров, рост напряжённости в котором чреват последствиями мирового масштаба. Развитие КНДР военной ядерной программы и появление новых ядерных государств нарушит и без того хрупкий баланс сил, расшатываемый все более яростным соперничеством держав и гонкой вооружений. Тенденция к приобретению и модернизации вооружений остаётся сильной, в том числе до тех пор, пока в этом заинтересованы США. Однако начало открытой военной конфронтации - наименее вероятный вариант развития событий, так как в этом не заинтересована ни одна из стран региона.

Список источников и литературы:

1. *Арбатов А., Михеев В.* Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии// Carnegie Endowment for International Peace, 2005/[Электронный ресурс] URL: <http://carnegieendowment.org/files/9359arbatov3.pdf> (дата обращения: 21.12.2016).
2. *Горчаков В.В.* Проблемы ядерной безопасности в Северо-Восточной Азии//Таможенная политика России на Дальнем Востоке – 2016 г.// [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-yadernoy-bezopasnosti-v-severo-vostochnoy-azii> (дата обращения: 21.12.2016).
3. *Иванова И.И.* Вызовы и угрозы международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вологодские чтения - № 62-1 ,2007 – С. 17-20.
4. *Кистанов В.О.* Вооруженный пацифизм Японии // Независимая газета, 25.02.2015// [Электронный ресурс] URL:http://www.ng.ru/ideas/2015-02-25/5_japan.html (дата обращения: 18.12.2016).

5. Кошкин А. Атомная бомба — теперь в Японии?//Stockinfofocus – 11.09.17// [Электронный ресурс] URL: <http://stockinfofocus.ru/2017/09/11/atomnaya-bomba-teper-v-yaponii/> (дата обращения: 21.10.2017).
6. Ланцова И.С. Теория структурного реализма и проблема распространения ядерного оружия в регионе Северо-Восточной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения, 2017г. Т.10. Вып.1 – С. 64-74.
7. Переработка и накопление плутония в Восточной Азии//Ядерный монитор – 24.04.16// [Электронный ресурс] URL: <https://anti-atom.ru/2016/04/24/arepro/> (дата обращения: 21.12.2016).
8. Стрельцов Д. Япония: новая политика национальной безопасности.//РСМД – 05.02.2014г.// [Электронный ресурс] URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 20.12.2016).
9. Abramson J. U.S. Leads Rising Global Arms Trade//Arms Control Association – 03.2017// [Электронный ресурс] URL: <https://www.armscontrol.org/act/2017-03/news/us-leads-rising-global-arms-trade> (дата обращения: 21.05.2017).
10. Aftergood S. “Fact of” Nuclear Weapons on Okinawa Declassified // Federation of American Scientists(FAS) – 19.02.16// [Электронный ресурс] URL:<https://fas.org/blogs/secrecy/2016/02/okinawa-nuclear/> (дата обращения: 21.12.2016).
11. Importer/exporter TIV tables 2015-2016// Stockholm International Peace Research Institute// [Электронный ресурс] URL:http://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php (дата обращения: 21.12.2016).
12. Kelly T., Nobuhiro K. Japan wants a new US missile defense system amid fears of North Korea//Business Insider – 30.08.17// [Электронный ресурс] URL: <http://www.businessinsider.com/r-exclusive-japan-seeks-new-us-missile-radar-as-north-korea-threat-grows-sources-2017-8> (дата обращения: 21.09.2017).
13. Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony, U.S. Military Academy-West Point, West Point//The White House:website.New York, 2014. May 28 // [Электронный ресурс] URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony> (дата обращения: 21.12.2015).
14. U.S. National Security Strategy//The White House – 01.02.15// [Электронный ресурс] URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 21.12.2016).

Камбулатов Г.М.

Студент Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
gamid93@mail.ru

G. Kambulatov

Student of the Saratov State University named after N. Chernyshevsky
gamid93@mail.ru

**Влияние американо-китайского соперничества в Юго-Восточной
Азии на конфликт в Мьянме**

**The influence of US-China rivalry in South-East Asia on the conflict in
Myanmar**

Аннотация: В статье анализируется влияние американо-китайского соперничества в Юго-Восточной Азии на конфликт в Мьянме. Рассматривается Мьянма как государство с огромными религиозными, территориальными и этническими спорами, но при этом как государство, которое является привлекательным для влиятельных игроков на международной арене (таких как США и КНР). Даются прогнозы о дальнейшем развитии событий в Мьянме, а конкретно в штате Аракан, учитывая действия и интересы других игроков в регионе (США и КНР).

Ключевые слова: Китай, США, Мьянма, рохинджа, буддисты, мусульмане, интересы, конфликт, Рахкайн (Аракан)

Abstract: The article analyzes the influence of US-China rivalry in South-East Asia on the conflict in Myanmar. Myanmar is considered as a state with huge religious, territorial and ethnic disputes, but at the same time as a state that is attractive to influential players in the international arena (such as the US and China). Predictions are given about the further development of events in America (the USA and China)

Key words: China, USA, Myanmar, Rohinj, Buddhists, Muslims, interests, conflict, Rahkain (Arakan).

Проблема беженцев рохинджа стала объектом пристального внимания различных общественных и международных организаций в связи с

сообщениями о бедственном положении мусульман-рохинджа[6], притеснениях и преследования, которым подвергается эта народность (по происхождению - этнические бенгальцы), компактно проживающая на северо-западе Мьянмы в штате Ракхайн (бывший Аракан).

Для полного понимания происходящего стоит рассмотреть упомянутые события в ретроспективе. Что касается термина рохинджа[5], то по некоторым сведениям, так называли новоприбывших мигрантов-бенгальцев, которые массово устремились в Бирму после обретения страной независимости в 1948 г. По другим свидетельствам, «рохинджа» называли мятежников-бенгальцев, добивавшихся самостоятельности на территории Ракхайна. Следовательно, рохинджа — это не этническая, а скорее социально-политическая общность.

Когда-то Бирма входила в состав Британской Индии (1825-1948г.) для освоения новых территорий британцы всячески поощряли переселение мусульман-бенгальцев на территорию Аракана. К 1940-м годам переселились десятки тысяч человек, и под их напором коренные жители были вынуждены переселяться вглубь страны. Рохинджа начали строить планы по созданию на бирманской территории своего исламского государства.

В 1947 г. под руководством Мусульманской лиги Северного Аракана активисты рохинджа, которые называли себя муджахедами, подняли восстание. Они отправили в Карачи делегацию с просьбой включить весь Северный Аракан в состав Пакистана. Их борьба за создание на территории штата Аракан мусульманского государства с последующим присоединением его к Восточному Пакистану (нынешний Бангладеш) продолжилась и после обретения Бирмой независимости (1948 г.).

Объявив джихад, рохинджа начали террор против представителей власти и силовых структур. Только вначале 1950-х гг. бирманская армия смогла навести порядок. Аналогичные попытки захватить территорию и установить исламское государство были в 1970-е, 1980-е, 1990-е годы, да и в совсем недавнем времени. То есть противоречия между буддистами и мусульманами крепнут на указанной территории не одно десятилетие.

Однако действия, предпринятые правительственными войсками Мьянмы в августе 2017 г. вызвали неоднозначную реакцию у всего мира. Среди коренного буддийского населения Ракхайна жертв этого конфликта не меньше, чем среди мусульман-рохинджа, только о них не пишут мировые СМИ. Происходящее во второй половине 2010-х годов в Мьянме - не просто внутренняя вражда, туда вмешаны геополитические интересы и других стран.

Стоит начать с того, что поистине трагические события используются мировыми СМИ для дискредитации действующей власти в Мьянме и коренного буддийского населения Ракхайна. В целом всех буддистов представляют не в лучшем свете, притом, что Далай-Лама XIV неоднократно заявлял, что недопустимо преследовать рохинджа и призывал к мирному разрешению данного конфликта. Также СМИ используют человеческую трагедию для манипуляции общественным мнением, к примеру, очень часто на просторах Интернета можно увидеть шокирующие снимки, где буддийские монахи стоят на фоне горы трупов. Все в этих материалах выглядит так, будто именно буддисты являются теми, кто призывает к уничтожению рохинджа, что естественно вызывает у людей сразу же неприязнь и отторжение к буддистам. Факт фальсификации уже доказан: данные снимки были сделаны в других местах китайской провинции Сычуань, а изображенные монахи вовсе не бирманские, а тибетские, которые помогли во время страшного землетрясения.

В большинство конфликтов современности прямо или опосредованно вовлечены третьи силы. Как правило, они преследуют свои интересы - экономические или политические, а порой они переплетаются, как, к примеру, в Мьянме.

Если рассмотреть ситуацию с позиции Китая, то СМИ Поднебесной представляют события в Мьянме ни как иначе как борьбу правительства с террористами. Более половины страны на стороне именно бирманских буддистов и дело тут вовсе не в том, что они духовно и культурно близки, а в том, что у Пекина есть такой же проблемный регион на северо-западе – Синьцзян-Уйгурский автономный район, где мусульмане-уйгуры с давних времен добиваются независимости. К тому же руководство Китая прекрасно понимает, что нестабильность в этом регионе и участие третьих игроков может угрожать политическим и экономическим интересам Поднебесной. Именно по этой причине КНР блокирует попытки Вашингтона и Лондона в Совете Безопасности ООН поставить вопрос по поводу насилия рохинджа в Мьянме.

Итак, для Китая Мьянма - это возможность избавиться от полной зависимости от обстановки на Малаккском проливе. Китай заинтересован в обеспечении стабильности в Мьянме, в его основе - амбициозная инициатива «Один пояс, один путь», которая направлена на создание инфраструктуры в Центральной и Юго-Восточной Азии, чтобы дать Пекину более широкий доступ к глобальным рынкам. Мьянма очень богата месторождениями углеводорода. В рамках концепции «Морского шелкового пути XXI века» – части геоэкономического китайского проекта «Один пояс,

один путь» город Янгон (торговый порт Мьянмы) имеет стратегическое значение: неподалеку расположен Малаккский пролив, через который проходит четверть всего мирового морского товарооборота[3].

Известно, что 80% всей нефти с Ближнего Востока и Африки раньше транспортировалось именно через Малаккский пролив, в котором ко всему прочему находится флот ВМФ США. Вывод из строя этого канала пошатнул бы не только Китай, но и всю мировую экономику.

Построив газо-нефтепровод, Китай на 20% уменьшил объем грузов через Малаккский пролив. Но и это не предел: количество инвестиций свидетельствует об этом. Другие проекты включают строительство порта и промышленной зоны в Особой экономической зоне Кьяукпю в Ракхайне, которая, как только закончится, расширит охват Пекина в Индийском океане.

Распространение терроризма ставит под угрозу экономическую безопасность. КНР очень обеспокоен распространением террористических групп, в том числе связанных с исламским государством (запрещено в РФ), из Юго-Восточной Азии в юго-западные районы страны, такие как провинция Юньнань, которая находится на границе с Мьянмой. Кроме того, мусульмане-уйгуры из Сианьцзяна могут искать возможность пересечь Юго-Восточную Азию, чтобы объединить свои силы с исламистскими группами.

Китай, скорее всего, будет настаивать на решении кризиса в Ракхайне, защищая его интересы в регионе и препятствующем тому, чтобы другие международные акторы вступали и утверждали свои собственные интересы. КНР в обмен на транзит углеводородов поддерживает правительство Мьянмы и гарантирует невмешательства во внутренние дела страны. В свою очередь Мьянма поддерживает Китай в контексте политики «единого Китая», т.е. в вопросах Тибета, Тайваня и Синьцзяна.

Программа сдерживания Китая является одним из приоритетных направлений внешней политики США: Соединенные Штаты стремятся создать как можно больше препятствий для развития Китая и китайской экономики. Этим и объясняется повышенный интерес США в политической ситуации в Мьянме. Узнав о крупных запасах энергоносителей в Мьянме, Китай повысил интерес к сотрудничеству. В контексте завершения в 2013 году строительства газовой и нефтяной трубы и транзита энергоносителей между Китаем и Мьянмой, американцы быстро начали уделять внимание конфликту в штате Аракан, так как им не нравились перспективы развития Китая.

Руководство Мьянмы, пытаясь ослабить влияние Китая на своей территории, пошло на сближение с США. А Вашингтон, в свою очередь, начал предпринимать ответные шаги. Во-первых, в связи с либерализацией

политического курса страны, США в ответ сняли санкции. Во-вторых, визиты президента США Барака Обамы в 2012 и 2014 году стали еще одним свидетельством нового витка отношений между странами. В ответ на это правительство Мьянмы отказало Пекину в ряде важных для КНР проектов.

В-третьих, между американскими спецслужбами и движением «Исламское государство» есть определенные точки соприкосновения, о чем многократно сообщалось в мировых СМИ. Потому создание ситуации напряженности в Мьянме играет на руку геополитическим планам Америки. Учитывая то, что ИГ (запрещенная в России террористическая группировка) терпит поражения в Сирии, новым плацдармом событий может быть Юго-восточная Азия, в частности, и Мьянма.

В-четвертых, была создана Целевая группа по Бирме, а также ряд неправительственных организаций, которые поощряют террористов (по словам местных буддистов, которые организовали массовые демонстрации в середине августа 2017 года). Эти организации в основном финансируются фондом Джорджа Сороса. Если ознакомиться с деятельностью Сороса, можно сделать вывод, что приходя в ту или иную страну, он начинает запускать в действие теорию управляемого хаоса: сначала определяются очаги проблем страны, затем обостряются конфликты и через усугубление, выводятся на международный уровень[2].

Кроме политики сдерживания Китая, США имеют и другую цель – дезинтеграцию стран ЮВА. Разжигание конфликта между правительством Мьянмы и мусульманами рохинджа, возможно, используется Вашингтоном для создания и усугубления противоречий между странами АСЕАН (буддийскими Мьянмой, Таиландом, Лаосом, Камбоджей, Вьетнамом и мусульманскими Малайзией, Индонезией, Брунеем, а также христианскими Филиппинами).

Учитывая то, что на Филиппинах и в Таиланде имеются многочисленные мусульманские меньшинства, которые хотят самоопределиться и ведут вооруженную борьбу против правительств, можно предположить, что Таиланд, Лаос, Камбоджа, Вьетнам и возможно Филиппины будут поддерживать правительство Мьянмы. Но уже сейчас Малайзия и Индонезия поддерживают угнетенный народ рохинджа. В рамках АСЕАН было проведено семь встреч по поводу разрешения проблемы в Мьянме, но все они были безрезультативными. Стратегия развала стран АСЕАН выгодна для американцев, чтобы сохранить и увеличивать влияние в ЮВА. Вашингтон обеспокоенно наблюдает за успехами Китая в АТР и боится потерять влияние на этой территории.

В пользу того, что Мьянма останется под влиянием Китая, свидетельствуют следующие факторы:

1. Аун Сан Су Чжи первым официальным визитом в качестве государственного советника Мьянмы предпочла Китай, а не США. Также Китай предлагает ей политическое и экономическое убежище от шторма глобальной критики в отношении урегулирования ее страной кризиса беженцев в Аракане[4].
2. Китай поддерживает действия, направленные правительством Мьянмы на сохранение целостности государства. В частности, блокирует резолюции в СБ ООН, открывает дипломатические миссии в Нейпидо. Ещё одним признаком поддержки Пекина в Мьянме, организация
3. Китай приоритетный экономический партнер Мьянмы, потерять которого недопустимо. На Всемирную конференцию китайских предпринимателей в Мьянме приехало более 2000 китайских торговцев, действующих во всем мире[4].
4. Китай играет важную роль в сохранении стабильности в других штатах Мьянмы.

Многие вооруженные группировки в северных штатах прямо или косвенно поддерживаются правительством Поднебесной. Американские аналитики утверждают, что именно КНР поддерживала политическо-настроенную народность в штате Шан и другие вооруженные группировки. Прокитайская ориентировка Мьянмы поможет снижению поддержки, в противном случае Китай может надавить на них этими прекрасными рычагами. Нечто подробное уже случалось, когда руководство во главе с Тейн Сейном повернулось к Вашингтону и тем самым усугубило отношения с Поднебесной: резко обострилась ситуация в штате Шан, где сепаратисты выступали за получения независимости в районе Кокан - района проживания этнических китайцев.

США и дальше будут дестабилизировать Мьянму и Азиатско-Тихоокеанский регион, а также будут продолжать тратить колоссальное количество ресурсов для подрыва могущества Поднебесной.

Нельзя не учитывать и интересы Индии, которая нацелена на лидерство в регионе. Так как Мьянма рассматривается Индией как ворота в АСЕАН, она модернизировала свою политику «смотри на Восток» на «действуй на Востоке». Можно предположить, что США и Индия найдут новые точки соприкосновения в борьбе против Китая. Тут же происходит резкое обострение конфликтов между Индией и Китаем в Бутане[1].

Другие конфликты вокруг Китая - это спор с Филиппинами за острова Спратли, изменение риторики США в отношениях с Пакистаном, проблема

КНДР и еще к тому же Тибет и Синцян. Кроме того, в лице организации Бозкурт (серые волки), которые не скрывают, что пользуются покровительством американских спецслужб, производится поддержка международного уйгурского движения. Именно при поддержке американских спецслужб несколько лет назад в Турции прокатилась волна демонстраций: протестанты громили консульства, сжигали китайские флаги, выдвигали лозунги с призывами к войне против КНР.

В конечном итоге именно оборонительная тактика Китая против Соединённых Штатов Америки будет определять конечную судьбу араканцев.

Список источников и литературы:

1. *Бенюмов К.* Индия и Китай поссорились из-за ремонта дороги // RT Meduza [Электронный ресурс] URL: <https://meduza.io/feature/2017/08/31/indiya-i-kitay-possorilis-iz-za-remonta-dorogi-delo-doshlo-do-styagivaniya-voysk-k-granitsam> (дата обращения: 15.11.2017).
2. *Бовдунов А.* Нефть, Сорос и кровавый террор: что на самом деле стоит за гонениями на мусульман в Мьянме // RT На русском [Электронный ресурс] URL: <https://russian.rt.com/world/article/425981-rohindzha-musulmane-myanmar> (дата обращения: 15.11.2017)
3. *Суюн Сын Зима.* Си Цзиньпин предлагает стратегическое предложение: «Один пояс, один путь» открывает «Мечту для строительства мечты» // ChinaEconomicNet [Электронный ресурс] URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html> (дата обращения: 15.11.2017).
4. China visit offers SuuKyι chance to be with friends // South China Morning Post [Электронныйресурс] URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2121694/aung-san-suu-kyi-visit-china-international-criticism> (датаобращения: 12.11.2017).
5. *Leider Jacques.* Rohingya: the name, the movement and the quest for identity // Myanmar Egress and the Myanmar Peace Center. 2013. - P. 204–255.
6. *Simons, Gary F. and Charles D. Fennig.* Ethnologue: Languages of the World // Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International. [Электронныйресурс] URL: <https://www.ethnologue.com/language/rhg> (дата обращения: 15.11.2017).

Богачев А.Д.

Магистрант Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского
bogachev.95@list.ru

A. Bogachev

Master's Degree Student of the Institute of International relations and World
History at the Nizhni Novgorod State University named after N. Lobachevsky
bogachev.95@list.ru

Транснациональность терроризма как угроза глобальной безопасности

Transnational Terrorism as a global security threat

Аннотация: В эпоху глобализации, терроризм перестает быть проблемой одного государства. Терракты 11 сентября в США, взрывы в Мадриде и Лондоне в 2004-2005 гг., атаки боевиков Исламского Государства подтверждают, что терроризм является глобальной угрозой. В статье анализируются цели и методы транснациональных террористических организаций, используемые информационные и материальные ресурсы, а также средства для противодействия транснациональному терроризму.

Ключевые слова: транснациональный терроризм, террористическая деятельность, пропаганда терроризма, контртеррористическая деятельность, финансирование терроризма

Abstract: In the era of globalization, terrorism ceases to be a problem of one state. The attacks of September 11 in the United States, the bombings in Madrid and London in 2004-2005, attacks by Islamic state militants demonstrate that terrorism is becoming a global threat. The article analyzes the goals and methods of transnational terrorist organizations, uses information and material resources, as well as means to counter transnational terrorism.

Key words: transnational terrorism, terrorist activities, terrorism propaganda, counter-terrorism activities, financing of terrorism.

Глобализация принесла с собой не только беспрецедентные возможности и прогресс для развития человечества, но и большие риски. Экономические, политические, социальные и культурные события в одной стране могут оказать влияние на другие страны. Появились способы, с помощью которых преступная сеть копируется в Интернете и дает преступным и террористическим группам возможность распространять свои сообщения и расширять свои операции. Воздействие этой теневой формы глобализации изменяет не только организацию, ресурсы и методы террористических групп. В таких условиях мы можем наблюдать развитие транснациональных террористических групп с глобальными программами, деятельность которых затрагивают многие страны или выходят за рамки национальных границ.

Терроризм, будь то транснациональный или нет, является настолько дискуссионной темой, что до сих пор нет его единого и четкого определения понятия. Разногласия возникают в отношении определения целей, виновных, жертв, методов и направленности террористов. Более того, поскольку государства не могут согласиться с определением, они спорят как о причине терроризма, как и о том, кого можно назвать террористом. В рамках данной статьи под терроризмом понимается использование или угроза насилия со стороны негосударственных акторов, которые влияют на граждан или правительства в стремлении к политическим или социальным изменениям.

Давид Рапопорт, в своей работе 'The Four Waves of Terrorism', разделил историю террористических групп на четыре последовательные волны, каждая из которых характеризуется глобальной политикой того периода. Он отметил, что в конце первой и второй мировых войн возникли националистические и антиколониальные группировки, а в период «холодной войны» распространились антикоммунистические и анархические движения[1].

Сегодня утверждается, что новая или пятая волна современных террористических групп является результатом и вызовом ключевым идеям, связанным с глобализацией, тем самым придавая терроризму транснациональный характер. Важно отметить, что некоторые террористические группы в прошлом имели транснациональные цели, но им не хватало инструментов для их реализации. Как видим, транснациональный терроризм сегодня действует во многих государствах, используя «теневую глобализацию» для перемещения потоков людей, оружия и информации. Причины этого нового типа терроризма отражают углубление взаимозависимости людей во всем мире. По мнению экспертов, сейчас речь

идет о «пятой волне» террористических групп, и первой из них была «Аль-Каида»[2].

Первоначальный успех «Аль-Каиды» состоял в том, что они использовали глобальные технологии, мифологию и идеологию. В частности, это была иллюзия военного успеха против Соединенных Штатов в виде атак 9/11, а затем привлечение ее к дорогостоящей военной активности за рубежом. Используя франшизный характер своей организации, «Аль-Каида» смогла взять на себя ответственность за атаки по всему миру, помогая небольшим группам, которые присоединились к организации. Установление таких связей было возможно, потому что «Аль-Каида» пропагандировала глобальную идеологию, которая представляла мусульман всего мира как жертв западного мира. Эти компоненты позволили им функционировать в глобальном масштабе.

Сегодняшний терроризм считается транснациональным из-за характера операций и эффекта, который они вызывают. Это обеспечивает его важность в международных отношениях, поскольку он представляет собой совершенно новую проблему безопасности для государств: риск нападения исходит не только от других государств (войны), но и от мобильных групп, которые перемещаются между государствами и рассредоточены по всему миру (транснациональный терроризм). Государства воспринимают эту волну терроризма как угрозу основным элементам их суверенитета - их правоспособности, легитимности и автономии в рамках государственной юрисдикции.

Эта всеобъемлющая угроза привела к целому ряду ответных мер. К ним относятся кодификация новых видов уголовных преступлений, предоставление правоохрнительным органам более широких полномочий по задержанию и аресту, а также улучшение финансирования государственных учреждений, участвующих в борьбе с терроризмом. Государства также стремятся к более тесному трансграничному сотрудничеству между государственными учреждениями, прежде всего в области полицейской деятельности и разведки, с тем, чтобы предотвратить распространение терроризма.

Транснациональность целей террористических организаций также может быть рассмотрена на примерах Аль-Каиды и Исламского Государства. Эти группы используют религиозный язык для объяснения глобальной политики, которая разделяет мир на две части. С одной стороны - мир ислама. Это мир добра, где соблюдаются религиозные законы, а мусульмане не угнетаются. С другой стороны - мир войны, где мусульмане угнетены несправедливыми и тираническими лидерами. Они утверждают, что из-за

глобальной связи мусульман друг с другом как сообщества верующих (Умма), все мусульмане должны присоединиться к ним в их борьбе против «угнетателей», независимо от того, где они живут. Они также утверждают, что, поскольку «угнетатели» повсюду и повсюду нападают на мусульман, то их борьба должна быть глобальной. Они относятся к «ближнему врагу» (местным правительствам) и «далекому врагу» (правительствам мировых держав) как к возможным агрессорам, против которых должен сражаться член их организации. Это позволяет им выявлять региональные политические проблемы и придавать им религиозную окраску или выделять глобальные инциденты и утверждать, что они связаны с местными проблемами. Примечательно, в какой степени такое понимание мира воспроизводится мышлением некоторых западных правительств, которые делят мир на тех кто «с нами» и тех, кто «против нас».

Несмотря на последствия транснационального терроризма, которые прежде всего ощущаются в странах с мусульманским большинством, страх и осознание угроз ощущается также в Европе и Северной Америке. Терроризм - это не только акт насилия. Это сообщение, которое должно быть услышано тремя группами людей. Первыми являются граждане стран, в которых совершаются теракты. Вторая - правительства, которые обязаны реагировать на террористическое насилие. Наконец, третьей являются потенциальные сторонники, которых привлекают к участию в террористических действиях.

Транснациональные террористические группы придают большое значение выбору места для атаки, чтобы вызвать большой общественный резонанс. Важность местоположения демонстрируется нападениями ИГ в Париже в 2015 году. Париж является одним из самых посещаемых городов в мире, а атаки были ориентированы на «повседневные» места - бары, футбольный стадион и рок-площадку. Это сигнализировало о том, что кто угодно и где угодно может стать целью, увеличивая страх перед угрозой атак. Эта стратегия отличается от стратегии групп, которые могут действовать через границы - например, Текрик-э-Талибан, работающих как в Афганистане, так и в Пакистане, или Боко Харам, действующих в Нигерии и соседних странах, - но для которых местная политическая сцена остается ключевой.

Вторая особенность транснационального терроризма заключается в том, что их деятельность призвана спровоцировать государства на ответные действия. Например, было немыслимо, чтобы Соединенные Штаты не отреагировали на теракты 11 сентября или что Франция не отреагировала бы на парижские атаки. Уйгурские этно-сепаратистские группы (которые теперь имеют связи с региональным исламистским терроризмом), действующие в северо-западных провинциях, спровоцировали ужесточение мер

безопасности. Тем не менее, правительство не смогло уменьшить число или тяжесть нападений, а также не смогло помешать людям присоединиться к сепаратистам. Некоторые утверждают, что европейская контртеррористическая политика более реакционна, чем эффективна, поскольку следует той же схеме наступления на права и свободы человека во имя безопасности, как это происходит в Китае.

Наконец, третьей особенностью террористического насилия является необходимость постоянного привлечения новых сторонников и укрепление лояльности старых. ИГ имеет поддержку в странах каждого региона и развивают методы распространения идей. Использование видео, имитирующих изображения компьютерных игр, дополняются собственными «модами» или «картами» для популярных компьютерных игр. В версии Grand Theft Auto от ИГИЛ действие происходит в Багдаде, а люди, противостоящие игроку, - это полиция и военные.

Организация и ресурсы

Управление такой транснациональной организацией и связь с отделениями в других регионах требует значительных материально-технических и организационных возможностей. Транснациональные террористические организации не только имеют идеологию, которая «подключается» к местным проблемам. Их организационные структуры действуют таким же образом.

Одна из ключевых идей в отношении транснациональных террористических групп заключается в том, что они не являются иерархическими по своей структуре, а скорее клеточными и даже анархическими, лишены формального лидера. Террористические организации становятся все более децентрализованными, поскольку они используют новые технологии, формы коммуникации и проч. Следовательно, переговоры с транснациональными террористическими группами могут быть затруднены. В ходе переговоров сторонам нельзя быть до конца уверенными, что люди, с которыми они ведутся, являются представителями группировки или имеют достаточный рычаг влияния на других членов группы. Существуют риски и уязвимости для террористических организаций, связанных с этим подходом, особенно в отношении информационной и оперативной безопасности, вопросов координации и устойчивости. Есть также преимущества с точки зрения долговечности: отсутствие центрального руководства дает им большую свободу действий.

Одним из ключевых процессов в транснациональных террористических организациях является распределение денег и приобретение оборудования.

Здесь мы можем говорить о связи с транснациональной преступностью, в частности, с контрабандой человеческих органов, наркотиков и оружия, и торговлей людьми.

Борьба с транснациональным терроризмом

Всю совокупность возможных ответных действий со стороны государств можно условно разбить на несколько групп, установив для каждой определенные наборы критериев. Первый набор решений касается того, где вмешиваться. Некоторые западные государства приняли решение вмешаться на международном уровне, чтобы предотвратить появление террористических групп или свести к минимуму эффективность существующих террористических групп в «фронтальных» государствах. Такое вмешательство осуществляется в форме международной помощи, военных консультаций и обучения, а также финансовой и военной поддержки правительств. Это повлекло за собой риск поддержки недемократических правительств и участия в военных действиях в нестабильных регионах.

Другой подход - увеличение государственных полномочий, чтобы контролировать условия деятельности террористических группировок и тем самым предотвратить атаки в западных странах. Предполагается, что существует необходимый баланс между правами человека и безопасностью человека и что защита граждан, а именно их безопасность, является первой обязанностью правительства. Однако контраргумент состоит в том, что усиление мер безопасности затрагивает права и ценности западного общества и в случае провала данных мер правительства попадают под шквал критики со стороны общества. В западных странах попытки государства обеспечить безопасность за счет ограничения прав и свобод часто непропорционально затрагивают определенные группы, особенно мусульман.

Терроризм и террористы являются транснациональными по трем критериям: их целями, их действиями и их организационной форме. Однако нельзя считать, что это новая и единственная форма терроризма. Не весь терроризм транснациональный. Террористические группы, такие как Ирландская республиканская армия (ИРА) и Эускади Та Аскатасуна (ЭТА), по-прежнему действуют на национальном уровне, ориентируясь только на одно государство.

Религиозный фактор при рассмотрении транснационального терроризма значим, однако нельзя сделать вывод о том, что исламу в этом смысле может быть отведена решающая роль. Скорее именно в этом случае ислам создает рамки для некоторых маргинальных групп, которые противостоят миру, где доминируют западные политические, социальные и экономические модели.

По этой причине не удивительно, что исламистский терроризм, помимо других видов терроризма, стал предметом беспокойства в международных отношениях. Важное замечание заключается в том, что противодействие терроризму не относится исключительно к государству: гражданское общество и повседневные действия обычных людей также играют определенную роль. Они могут включать примеры из массовой культуры, межконфессиональный диалог и моменты солидарности, которые способны доминировать над транснациональной террористической идеологией.

Список источников и литературы:

1. *Katherine E.B.* Transnational terrorism // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.e-ir.info/wp-content/uploads/2016/12/International-Relations-E-IR.pdf> (дата обращения: 21.12.2016)
2. *Rapoport D.C.* The Four Waves of Terrorism // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://international.ucla.edu/media/files/Rapoport-Four-Waves-of-Modern-Terrorism.pdf> (дата обращения: 21.12.2016)
3. *Mitchell D. S., Bhatt A.* Radicalization in the West: The Homegrown Threat // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sethgodin.typepad.com/seths_blog/files/NYPD_Report-Radicalization_in_the_West.pdf (дата обращения: 21.12.2016)
4. *Wiktorowicz Q.* Anatomy of the Salafi Movement // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://archives.cerium.ca/IMG/pdf/WIKTOROWICZ_2006_Anatomy_of_the_Salafi_Movement.pdf (дата обращения: 21.12.2016)

Шкляева А. А.

Студент Казанского Федерального Университета

AsyaSh7@yandex.ru

A. Shklyueva

Student of the Kazan Federal University

AsyaSh7@yandex.ru

Проблема толкования принципов международного права и её влияние на институт международно-правового признания государств в условиях современности

Problem Interpretation Principles International Law And Its Impact Institution Recognition States Modern World

Аннотация: неоднозначность толкования принципов международного права выступает в роли катализатора негативных тенденций в таких областях и институтах права, как институт международно-правового признания государств. Статья посвящена проблеме определения статуса сепаратистских территориальных образований с точки зрения международного права. Рассмотрен вопрос взаимообусловленности «пробелов» в толковании принципов международного права и института признания. Отмечено отсутствие кодифицированных норм: институт признания работает, опираясь на практический опыт, а не на корпус нарративных документов. Как следствие - схожие во многих аспектах дела о признании решаются по-разному. На основании концепции ремедиального отделения (remedial secession) и на примере вопросов о признании статусов Косово, Абхазии, Южной Осетии и Крыма показано, как проблема толкования принципов международного права способствует возникновению кардинально разных сценариев в отношении признания того или иного территориального образования.

Ключевые слова: международное право, принцип международного права, институт признания, международно-правовой статус, принцип территориальной целостности, право народов на самоопределение, сепаратизм, сецессия

Abstract: the ambiguity of interpretation of the international law acts principles of as a catalyst for negative trends in such areas and institutions of law

as the institution of international legal recognition of States. The article is devoted to the problem of determining the status of separatist territorial entities from the point of view of international law. The question of interdependence of "gaps" in the interpretation of the principles of international law and the institution of recognition is considered. The absence of codified norms is noted: the Institute of recognition works on the basis of practical experience, not on the body of normative documents. Based on the concept of a remedial secession the author shows how the problem of interpreting contributes to the emergence of a number of dramatically different scenarios regarding the recognition of a territorial entity using the example of issues about the status recognition of Kosovo, Abkhazia, South Ossetia and the Crimea. The author reaches the conclusion there is a definite problem concerning the correlation between the principle of territorial integrity and the right of peoples to self-determination.

Key words: international law, principle of international law, institute of recognition, international legal status, principle of territorial integrity, right of peoples to self-determination, separatism, secession

В условиях современности говорить о едином понимании и однозначном толковании норм и принципов международного права не приходится. Само по себе отсутствие единообразного трактования принципов международного права проблемой не является, но выступает в роли катализатора достаточно негативных тенденций в уже более конкретных областях и институтах права, таких как, например, институт международно-правового признания государств.

В связи с появлением на международной арене в конце XX – начале XXI века ряда непризнанных, самопровозглашенных территориальных образований, которые рассчитывают на предоставление им статуса независимых государств, полноправных субъектов международного права, изучение института международно-правового признания государств особо актуально и привлекает внимание многих специалистов в области международного права и международных отношений, которые всё чаще признаются, что данная область международно-правовой науки является одной из самой сложных для понимания, изучения и прогнозирования.

Так почему же сепаратистские территориальные образования, а точнее определение их статуса с точки зрения международного права является актуальной проблемой на сегодняшний день? Если и есть определенные «пробелы» в толковании международного права, то как они отражаются на институте признания?

Институт признания работает, опираясь скорее на практический опыт, нежели на теорию в виде законодательной базы, что уже не даёт возможности объективно рассматривать тот или иной вопрос, связанный с признанием/не признанием территории в качестве государственного образования. Вполне логично, в принципе, что в отсутствие конкретной нормы на авансцену международной арены выходят политические соображения государств, действующих в рамках парадигмы политического реализма и, соответственно, акцентирующих свое внимание на сугубо национальные интересы.

Как показывает практика, в XXI веке часто довольно схожие во многих аспектах дела о признании рассматриваются совершенно под разным углом в зависимости, опять же, от политических соображений и расклада сил на международной арене.

Наиболее характерным примером того, как проблема толкования международного права способствует возникновению кардинально разных сценариев в отношении признания того или иного территориального образования является территория Косово с одной стороны, и Южная Осетия, Абхазия и Крым - с другой. Практика показала, что Косово – единственная территория из этого ряда, которой частично удалось достичь успеха в вопросах признания после одностороннего провозглашения независимости 17 февраля 2008 года [6], вызвавшего серьезнейший резонанс в международном сообществе.

Международный Суд ООН в своём заключении по вопросу о независимости и признании Косово от 22 июля 2010 года говорит о том, что практика государств не свидетельствует о появлении в международном праве нового правила, запрещающего провозглашение независимости в подобных случаях. Согласно этому заключению, Международный Суд считает, что общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости [7].

Крайне интересны в рамках рассмотрения вопроса о независимости Косово позиции ведущих мировых держав. В частности, США в своем письменном меморандуме от 17 апреля 2009 года высказываются об одном из принципов международного права - территориальной целостности - и трактуют его как «не исключаящий появления новых государств на территории существующих государств» [8]. Согласно этому меморандуму, объявление независимости Косово является нарушением законодательства исключительно внутреннего, то есть государства Республики Сербии, но никак не международного права [9].

Великобритания аналогично высказалась по этой проблеме, заявив, что сецессия международным правом не запрещена[10]. Вероятнее всего, именно такое толкование принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение, а точнее их взаимосвязь задумывались при их провозглашении. Однако, в ситуациях с Южной Осетией, Абхазией и, в особенности, с Крымом мы видим, как, исходя из политических соображений и национальных интересов, государства мира начинают трактовать все тот же принцип территориальной целостности более жестко, обвиняя правительства вышеупомянутых государств в прямом нарушении международного права, а в ответ на любые попытки провести параллели с Косовским прецедентом отвечают, что это абсолютно полярные ситуации, сравнивать которые нельзя. На самом же деле, сецессия, например, Крыма выглядит куда более правомерно, чем провозглашение независимости Косово в силу проведенного на данной территории референдума о независимости, который очень четко и ясно дал понять волю народа.

Практика показывает, что во многих случаях (за исключением Косово), связанных с проблемой признания независимости такая демократическая ценность, как право народов на самоопределение очень быстро уходит на второй план, и на помощь в борьбе за сохранение территориальной целостности приходит «жизненно важная необходимость» покончить с так называемым нарушением прав и свобод граждан на непризнанных территориях. Таким образом, мы наблюдаем не только проблему толкования принципов международного права, но и, в частности, их соотношения[2].

Остается не проясненным вопрос, чем в решении вопроса о признании/непризнании территориального образования в качестве суверенного государства необходимо руководствоваться в первую очередь: необходимостью соблюдения принципа территориальной целостности или правом народов на самоопределение. От части данный вопрос регулируется лишь концепцией правозащитной сецессии (remedial secession)[11], согласно которой можно реализовывать право на самоопределение, не считаясь с принципами территориальной целостности в том случае, если на отделяемой территории грубо нарушаются права человека (геноцид, военные преступления, агрессия и преступления против человечности)[5] (так называемое «отделение во спасение»).

Следует отметить, что сецессия Крыма, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики попадают под действие концепции «правозащитной сецессии»: со стороны украинских властей предпринимались акты агрессии в отношении народа, населяющего данные территории, их права и свободы ограничивались (в частности, об

использовании русского языка и т.д.). Однако в силу сложившейся политической ситуации о концепции правозащитной сессии было забыто, и данные негосударственные образования, а также страны, поддерживавшие их в их борьбе за получение статуса полноправных субъектов международных отношений, были обвинены в вопиющем нарушении принципа территориальной целостности.

Важно то, что такое далеко не единообразное толкование государствами принципов международного права не влечет и не может влечь за собой юридической ответственности, потому что нормы, за невыполнение которой последовали бы санкции, как таковой и нет. Если задуматься, это и есть основная проблема: толкование принципов международного права в зависимости от национальных интересов или исходя из политических соображений не запрещено. По сути своей, в этой ситуации мы видим, как принцип правового государства, согласно которому все, что не запрещено человеку законом, ему разрешено, инкорпорировался в международное право.

До недавнего времени предпринимались попытки передать полномочия по разрешению проблемы толкования принципов международного права и их соотношения Международному Суду ООН. Однако уровень объективности деятельности Суда вызывает сомнения (как одно из доказательств – многочисленная критика решения Суда по вопросу о независимости Косово)[12], орган политизирован, как и любая другая международная организация. Разработка какого-либо международного правового документа тоже кажется утопической идеей: субъекты международных отношений будут и в этом случае отталкиваться от своих политических взглядов и национальных интересов и, скорее всего, к консенсусу не придут. Даже если такой документ будет разработан, он либо не будет ратифицирован важнейшими мировыми державами или его условия будут систематически нарушаться.

Таким образом, в условиях современности фраза «С точки зрения международного права...» все чаще теряет свой смысл, в особенности в отношении института признания, так как каждый субъект международных отношений трактует тот или иной принцип или даже норму права исключительно в зависимости от своих национальных и иных интересов.

Список источников и литературы:

1. *Фельдман Д.И.* Признание государств в современном международном праве. Казань, 1965.
2. *Караев Р.М.* Соотношение принципов территориальной целостности и самоопределения народов в теории и практике международного права. Баку, 2009.
3. *Бьюкенен А.* Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государств. Москва, 2001.
4. *Цвицинская Н.* Эволюция института признания государства в международном праве. М., 2014.
5. *Vezbergaitė I.* Remedial Secession as an Exercise of the Right to Self-determination of People. Budapest, 2011.
6. Kosovo Declaration of Independence. 2008.
7. Reports of Judgments: Advisory Opinions and Orders Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. 2010.
8. The Written Statement of the United States America concerning the request of the United Nations General Assembly for an advisory opinion on the question of the «Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence by the Provisional Institutions of Self-Government of Kosovo». 2009.
9. The Written Statement of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2009.
10. *Buchanan A.* Theories of Secession. P.35.
11. *Hartwig M.* Das Gutachten des Internationalen Gerichtshofs zur Unabhängigkeitserklärung des Kosovo: Vorgeschichte und "Urteils"kritik". Osteuropa-Recht, 2012. P.135-140

Николаев Ю.В.

Магистрант Департамента международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
yura_nik-95@mail.ru

Y. Nikolaev

Master's Degree Student of the Department of International Relations at the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
yura_nik-95@mail.ru.

**Вопрос принадлежности Гибралтара в политике Испании и
Великобритании в XXI веке.**

**The question of the membership of Gibraltar in the policy of Spain and
the UK in the XXI century**

Аннотация. В работе рассмотрены принципиальная роль Гибралтара в притязаниях со стороны Испании и Великобритании, прогноз и причины важности данного района Пиренейского полуострова и политика, осуществляемая Великобританией и Испанией по управлению данной территорией на стыке Европы и Африки.

Ключевые слова: спор, территория, Соединённое Королевство, Испания, Гибралтар.

Annotation.

The paper discusses the fundamental role of Gibraltar in the claims made by Spain and the UK, the forecast and the reasons for the area to be important; and the policies implemented by the UK and Spain in control over the territory inside the important issue at the junction of Europe and Africa.

Keywords: the dispute, the territory, the United Kingdom, Spain, Gibraltar.

Исследуемая проблема в отношениях Испании и Соединённого Королевства по вопросу принадлежности Гибралтара возникла ещё когда два государства были метрополиями. По Утрехтскому договору 1713 года, заключенному после изнурительной войны за испанское наследство, Гибралтар стал территорией Великобритании. Небольшой полуостров на

Пиренеях, являвшийся оплотом безопасности Испании с юга, стал яблоком раздора в отношениях глобальных империй.

Имеющийся конфликт, преподносивший в разные годы серьёзные конфронтации вовлечённых сторон, заявляет о себе с каждым новым витком противостояния всё острее и горячее, в нём можно усмотреть чопорность англичан и пылкость испанцев.

Испания утратила юридические права на Гибралтар в XVIII веке, когда по навязанному ей Англией и Францией Утрехтскому договору владение отошло Соединённому Королевству. Но в середине 1960-х годов группа сторонников за Испанию организовала акции протестов в британской колонии.

Осенью 1967 года был проведён референдум, на котором многие гибралтарцы выступили против передачи управления Испании. Через 2 года, в 1969 году Гибралтар принял конституцию, предусматривавшую нерушимую независимость[1]. В 2006 году на спорной территории организовали очередной референдум, по результатам которого многие уроженцы спорной территории снова выступили против Испании.

Британо-испанские отношения благополучны во всем, что не касается Гибралтара. Многие британцы любят отдыхать в Испании или владеют там недвижимостью. Часть испанцев работает и живет в Великобритании.

Испанцы всё ещё расценивают захват Гибралтара как «ничем не оправданный акт пиратства». Помимо всего, по заключённому в 1713 году соглашению, Гибралтар – английская территория, но в случае выхода из Великобритании, она надлежащим образом возвращается в лоно Испании. В Лондоне вопрос скалы рассматривают в другом направлении. Бывший глава Дэвид Кэмерон заверил тогдашнего главу внешнеполитического ведомства Испании Маргальо, что не станет вести дела по спорному вопросу без согласия и участия в переговорах населения Гибралтара. Было отмечено, что гибралтарцы обладают полным правом на самоопределение вплоть до суверенитета от Великобритании и провозглашения собственного государства. Это заявление, как рассматривают в Испании, противоречит условиям Утрехтского мира и международным решениям о деколонизации, выдвинутым уже в современную эпоху.

Важно указать, что Гибралтар – заморский регион Великобритании на юге Пиренейского полуострова, охватывающий Гибралтарскую скалу с узким песчаным перешейком, образующим со скалой некий полуостров площадью 6,5 км², на котором проживают 35 тыс. человек[4].

Гибралтар является чрезвычайно большим портом, на основе работы которого выстраивается доходная часть бюджета территории (ремонт судов

и прочие портовые услуги). Помимо перечисленного, Гибралтар - это оффшорная зона: здесь зарегистрированы европейские игровые и букмекерские конторы. Соединяя Средиземное море и Атлантический океан, Гибралтар всегда имел важное геостратегическое значение, в разы возросшее после создания Суэцкого канала. Также следует отметить, что Гибралтар – ближайший пункт отправки из Европы в Африку и обратно, и важность его в обеспечении безопасности ЕС безгранична. Кроме того, на Гибралтаре расположена военная база НАТО, где часто осуществляются морские учения, что нередко затрудняет движение судов из Средиземного моря в Атлантику.

Brexit стал очередным обстоятельством, актуализировавшим застаревшую проблему принадлежности полуострова. Гибралтар формально - владение Соединённого Королевства, однако фактически независим. После решения Великобритании о выходе из союза, Гибралтар пытается остаться в ЕС. По оценкам экспертов, эта территория стала заложником ситуации, так как, с одной стороны, она весьма тесно переплетена экономическими актами с ЕС, а с другой, юридически – с Соединённым Королевством.

Гибралтар – часть ЕС, наряду с Великобританией с 1973 года, в 2004 году его жители активно приняли непосредственное участие в выборах в Европейский парламент. На референдуме 2016 года по Brexit 96% жителей Гибралтара поставили отметку в графе «против»[5].

Но юридически этот результат не может быть взят во внимание, потому что Гибралтар участвовал в референдуме в составе юго-западного округа Великобритании, то есть как часть Уэльса[5].

Главный министр Гибралтара г-н Пикардо заявил, что жители Гибралтара не должны стать жертвами переговоров о выходе Соединённого Королевства из ЕС: «Мы не планируем стать разменной монетой и жертвой Brexit по причине, что не мы дали жизнь этому процессу: мы отдали голос за то, чтобы быть в ЕС. Это значит, что исключение нас из союза даст Испании потенциал действовать агрессивно», – подчеркнул Пикардо[5].

Определяя роль Гибралтара в ЕС, важно подчеркнуть, что на него не распространяется сельскохозяйственная политика ЕС, полуостров не является также и таможенной территорией ЕС[2]. При этом Гибралтар позволяет жителям государств-членов ЕС посещать полуостров в рамках шенгенских договорённостей. Таким образом, до сих пор Гибралтару удавалось лавировать: под покровительством Великобритании избегать и возможного натиска со стороны Испании, и необходимости глубокой интеграции в ЕС.

Важно отметить, что культурно-исторический тип гибралтарцев (англичан, мальтийцев, евреев и арабов по происхождению) не особенно связан с испанским. Местные жители связаны с Испанией по большей части через услуги: посещают испанские рестораны, приобретают товары в испанских магазинах, учат детей в испанских школах, пользуются медицинской помощью[3].

Гибралтар вряд ли станет принципиальной проблемой для ЕС. По большей части, его существование – результат функционирования европейской бюрократии, пытающейся нивелировать большинство исторических противоречий Европы[2].

Важно рассмотреть позицию Великобритании в отношении желания Гибралтара остаться в составе ЕС. Премьер-министр Тереза Мэй отметила, что британцы никогда не будут заключать договорённости, подчёркивающие, что жители Гибралтара отойдут под зависимость другого государства наперекор их демократически заявленной воле, и никогда не станут соглашаться на переговоры о передаче владения, с которыми не согласен Гибралтар. Она неоднократно заявляла, что Великобритания будет твёрдо привержена политике содействия, проводимой в отношении Гибралтара.

Министр иностранных дел Б. Джонсон по приезду на переговоры руководителей внешнеполитических ведомств стран ЕС в Люксембурге упомянул, что Гибралтар не подлежит рассмотрению: «Государственная принадлежность территории незыблема и таковой останется и, как это нетрудно представить, не может быть иной без выражения поддержки со стороны народа Гибралтара и Соединённого Королевства»[2].

Также главной составляющей конфликта относительно Гибралтара является спор о границе Гибралтара и Испании. Условия создания международного аэропорта и контроля над перешейком по сей день регулируются Утрехтским договором 1713 года. По практике давних лет, территориальные уступки совершались с учётом окрестной территории. То есть вопрос о принадлежности перешейка разрешался в помощь расстояния в «два пушечных выстрела», при этом, безусловно, имелась в виду дальность выстрела мортиры начала XVIII века, а не нынешней артиллерийского орудия[2].

В 2013 году Гибралтар в одностороннем порядке возвел прибрежных водах искусственный риф. На данное мероприятие. В ответ власти Великобритании послали три военных корабля к проливу Гибралтара, а Испания ввела дополнительный контроль на границе, где предполагала за въезд в Гибралтар собирать пошлину в 50 евро[6].

Испанские власти интерпретируют проблему совершенно в ином свете. «Кто-то в Соединённом Королевстве теряет самообладание, для этого не может быть никакого основания», – сообщил министр иностранных дел и сотрудничества Испании Дастис. Он упомянул, что Мадрид в ведении переговоров по Brexit не решится на условия, которые не могут отвечать политике Испании по теме Гибралтара. Из выступления испанского чиновника следует, что любые договорённости ЕС и Соединённого Королевства по Гибралтару «нужно главным образом согласовывать с Испанией»[5].

Учитывая опыт стран обеих стран, полученный за три столетия попыток урегулировать вопрос о статусе Гибралтара, конфликт останется острым и после завершения процедур брексита. Предложения Испании установить двойной протекторат были резко отклонены как Великобританией, так и самим Гибралтаром. Существующая проблема Гибралтара не будет разрешена в обозримо будущем по причине отсутствия точек пересечения интересов и преследования разных целей сторонами, втянутыми в конфликт.

Список источников и литературы:

1. Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. Учебник. – М.: Международные отношения, 2014. С. 536.
2. Британии нет смысла бороться за Гибралтар // ВЗГЛЯД [Электронный ресурс] URL: <https://vz.ru/world/2016/5/13/810440.html> (дата обращения: 24.05.2016).
3. Гибралтар – колония, которая не хочет менять свой статус // Радио Свобода [Электронный ресурс] URL: <https://www.svoboda.org/a/24487382.html> (дата обращения: 24.05.2016).
4. Между трёх огней: как Великобритания, ЕС и Испания делят Гибралтар на фоне брексита // RT на русском [Электронный ресурс] URL: <https://russian.rt.com/world/article/374919-gibraltar-velikobritaniya-ispaniya-breksit> (дата обращения: 24.05.2016).
5. Спор из-за Гибралтара грозит обострением отношений Британии и Испании // РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20130809/955447513.html> (дата обращения: 24.05.2016).

Красницкая М.В.

Аспирант Московского государственного института международных отношений (У) МИД России
m.v.krasnitskaya@gmail.com

M. Krasnitskaya

Postgraduate Student at the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
m.v.krasnitskaya@gmail.com

Гуманитарное сотрудничество в условиях конфликтов и кризисов

Humanitarian Cooperation In Conflicts And Crises

Аннотация: В статье рассматриваются возможности гуманитарного сотрудничества в условиях конфликтов и кризисов в отношениях между акторами мировой политики. При этом делается акцент на межгосударственном взаимодействии. Подробно рассматриваются преимущества использования гуманитарного воздействия в качестве инструмента трансформации «мягкой силы» государства в реальную мощь.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, публичная дипломатия, мягкая сила, конфликты, кризисы, негосударственные акторы.

Abstract: The article analyses the role of the humanitarian cooperation in the context of modern conflicts and crises. At the same time, the article puts a premium on interstate cooperation. The author focuses on the advantages to use the humanitarian influence as the most important instrument that helps to transform «soft power» into the real power.

Keywords: humanitarian cooperation, public diplomacy, soft power, non-state actors, conflicts

Спор реалистов и либералов о природе человека, пожалуй, не будет разрешен никогда. Однако, как показывает практика, «естественное состояние» человека вероятнее всего было ближе к гоббсовской «войне всех против всех», нежели к «золотому веку» Руссо. Об этом свидетельствуют, во-первых, многочисленные археологические раскопки и исторические исследования; во-вторых, сам тот факт, что современная система

международных отношений, ее основополагающие нормы и институты родились из войны[12]. Не исключено, что человечеству когда-нибудь удастся приблизиться к «вечному миру» Канта, однако на сегодняшний момент изучение именно конфронтационных практик взаимодействия на мировой арене продолжает оставаться актуальным и необходимым.

При этом конфронтация в современной мировой политике приобрела новые характеристики. В настоящее время военная мощь уже не является определяющим фактором силы. Все чаще ключевые акторы мировой политики делают ставки не на ведение «горячей войны», а на перенос противоборства в информационное пространство, и поиск альтернативных, не силовых инструментов влияния на противника.

Одним из таких инструментов является гуманитарное сотрудничество. К гуманитарному взаимодействию традиционно относят сотрудничество в сфере образования, науки и культуры. При этом, если СМИ можно считать эффективным инструментом публичной дипломатии для достижения краткосрочных целей, то работа по гуманитарной линии может безоговорочно расцениваться как наиболее успешное направление публичной дипломатии для реализации задач на долгосрочную перспективу [10]. В этом состоит основное преимущество гуманитарных механизмов публичной дипломатии.

Итак, каким же образом гуманитарное сотрудничество может быть использовано в условиях конфликтов?

В первую очередь, гуманитарное взаимодействие может играть определяющую роль в условиях, когда политический диалог между странами ослаблен ввиду различных противоречий. Именно подобное взаимодействие помогает формировать позитивную повестку дня двусторонних отношений, поддерживать налаженные ранее контакты, а кроме того, при правильно спланированной стратегии открывает возможности формирования долгосрочных каналов воздействия на партнеров [7].

В этом контексте показательным является пример работы Посольства России в Испании. После обострения отношений между Россией и западными державами, дипломатами Посольства был сделан особый акцент на гуманитарное взаимодействие (по инициативе Посольства с 2015 г. по апрель 2016 г. между Россией и Испанией прошел обменный год языков и литературы; 2016-2017 гг. стал перекрестным Годом туризма между нашими странами). Работа в рамках гуманитарного направления ведется Посольством с помощью различных инструментов публичной дипломатии. Большая часть проектов осуществляется при помощи прямых контактов с испанской общественностью: участие Посла и дипломатов в мероприятиях

по гуманитарной тематике, проведение лекций российских дипломатах в крупнейших вузах Испании, выступление Посла и дипломатов на местном телевидение и радио. При этом стоит отметить, что данная работа нацелена не только на ретрансляцию информации, но и на диалог с испанской аудиторией: студентами, журналистами и активистами. В данном контексте усиленно используются инструменты цифровой дипломатии, главным образом социальных сетей[11].

Активизация работы российских дипломатов по линии гуманитарного взаимодействия стимулировала деятельность по данному направлению неправительственных организаций и общественных объединений. В настоящее время именно они выступают в роли инициаторов и организаторов существенной части мероприятий.

Примечательно, что интерес к развитию более плотного взаимодействия в гуманитарной сфере активно проявляет и испанская сторона. Связано это, прежде всего с проявившейся в ходе кризиса в отношениях России с Европой экономической взаимозависимостью наших государств. Кризисные явления в российской экономике нашли прямое отражение в туристическом секторе Испании, представляющем основную доходную часть бюджета страны. В 2015 г. количество российских отдыхающих, посетивших Испанию, уменьшилось на 32% (до 955 982 чел.), при этом уровень их расходов снизился по сравнению с 2014 г. на 34% [18]. Данная тенденция для испанского рынка имеет значительные негативные последствия. При этом в Испании исходят из того, что восстановление прежнего уровня туристического потока из России труднодостижимо без отказа от санкционного давления на российскую экономику. В этой связи испанский политический истеблишмент все чаще говорит о необходимости возобновления более тесного сотрудничества Запада с Российской Федерацией и отмене ограничительных мер [17].

Таким образом, работа публичной дипломатии России по линии гуманитарного сотрудничества в совокупности экономической взаимозависимостью с зарубежными государствами становится стимулом к возобновлению более плотного политического взаимодействия. При этом использование гуманитарных связей параллельно с экономическим сотрудничеством часто приводит к усилению последнего, что влечет за собой стабилизацию двусторонних отношений и, в свою очередь, снижает возможность конфликта между странами [7].

Помимо того, что гуманитарное сотрудничество играет неопределимую роль в сохранении диалога между странами в период кризиса в их отношениях, потенциал гуманитарного взаимодействия может быть успешно

задействован и в период урегулирования конфликта, даже если речь идет о его «вооруженной фазе».

Дело в том, что ни один конфликт не может считаться полностью урегулированным, если между представителями противоборствующих сторон продолжают преобладать враждебные отношения. В истории немало случаев, когда после прекращения вооруженной стадии конфликта между его участниками сохранялись агрессивные настроения. Примером может служить осетино-ингушский конфликт, конфликт в Нагорном Карабахе. Для долгосрочного построения мира очень важным является преодоление этой враждебности. По мнению Дж. Ковэн и А. Арсенаулт одним из вариантов разрешения данной проблемы может стать совместная работа представителей противоборствующих сторон над каким-либо проектом. Это может быть как работа по ликвидации последствий вооруженной стадии конфликта, так и участие в семинарах, тренингах и конференциях. Совместная работа над общим делом (работа над заданиями в ходе тренинга, обсуждение проблем во время семинара, реализация общего проекта) способствует формированию у участников позитивное восприятие друг друга, установлению доверительных отношений [16].

Подобные мероприятия могут проходить на различных площадках, однако предпочтительнее, чтобы эти площадки были не аффилированы с одной из сторон конфликта. Независимость посреднических организаций позволяет им пользоваться доверием противоборствующих сторон. В свою очередь доверие к организаторам проекта дает возможность решить одну из главных проблем, возникающих в ходе конфликта, а именно изменить стереотипное восприятие противника. Часто именно неадекватное восприятие противоположной стороны ограничивает возможность диалога между конфликтующими сторонами[6]. Поэтому в качестве площадок для совместных проектов достаточно эффективно проявляют себя неправительственные организации.

Довольно часто метод «транснационального сотрудничества» Дж. Ковэн и А. Арсенаулт применяется многими НПО для смягчения противоречий между конфликтующими сторонами на Кавказе. Так, к примеру, в 2014 г. грузинская НПО «Кавказский дом» реализовала проект «Региональное сотрудничество для мира и стабильности»[15]. Суть проекта заключалась в том, что на одной площадке были собраны молодые активисты из Грузии, Армении, Азербайджана и Турции. По признанию организаторов главной задачей проекта стало обсуждение проблем безопасности в регионе, с учетом мнений сторон относительно подходов к урегулированию существующих на Кавказе конфликтов. При организации подобных

мероприятий ключевым вопросом является то, как распространить сгенерированные в ходе проекта общими усилиями идеи и как найти им практическое применение. Организаторы учли этот момент – после окончания проекта все его участники должны были написать и разместить на страницах в Интернете аналитические статьи, посвященные результатам мероприятия.

Помимо НПО эффективной площадкой для реализации «транснационального сотрудничества» могут стать университеты. Как отмечает профессор М.М. Лебедева, престиж университетов в меньшей степени подвержен ситуативным изменениям, и остается высоким даже в тех случаях, когда общее отношение к государству изменяется в худшую сторону. В качестве примера исследователь приводит отношения между Ираком и США. Даже после вторжения Соединенных Штатов в эту страну многие молодые люди региона Ближнего Востока, осуждая действия США, все же стремились попасть туда для получения образования [8, с.18].

Еще одной важной особенностью университетов является их сетевой характер. На сегодняшний момент даже небольшие региональные университеты могут похвастаться налаженными контактами с образовательными площадками по всему миру. Постоянное взаимодействие с коллегами-учеными, студентами и экспертами, представляющими различные страны, воспитывает толерантное отношение к представителям другой культуры, способствует построению эффективного межкультурного диалога [8, с.18].

Сетевые взаимоотношения, подкрепленные долгой работой над общими проектами, позволяют представителям академических кругов быстро наладить контакты со своими коллегами, представителями противоположной стороны. Особую значимость такие контакты приобретают при отсутствии выстроенных каналов коммуникации между политическими лидерами. В такой ситуации представители академических кругов, являясь частью непрямого канала коммуникации, могут оказать помощь в выработке взаимоприемлемых решений урегулирования конфликта.

Гуманитарное сотрудничество может осуществляться и в рамках публичной дипломатии, которая обозначается многими учеными-международниками, как «система взаимодействия с зарубежными обществами в политических целях»[2]. Известный американский политолог Дж. Най, определяя публичную дипломатию как «способ налаживания долговременных взаимоотношений, создающих благоприятные условия для

государственной политики», рассматривает ее в качестве ключевого инструмента трансформации ресурса «мягкой силы» в реальную власть[19].

Перспективные возможности для подобной трансформации открываются в условия конфликта для акторов, участвующих в его урегулировании в качестве третьей стороны (посредника). В свою очередь гуманитарное сотрудничество, как часть публичной дипломатии, способно сыграть определяющую роль, в продвижение «мягкой силы» государства.

В данном направлении институт российской публичной дипломатии активно и, что немаловажно, комплексно проявляет себя в сирийском конфликте. При этом основной фокус делается именно на гуманитарное сотрудничество, ориентированное на долгосрочный эффект.

Одной из самых нашумевших акций, проведенных в этом контексте, стал концерт симфонического оркестра Мариинского театра под управлением всемирно известного дирижера Валерия Гергиева в освобожденном от террористов сирийском городе Пальмира. Данная акция получила широкий резонанс в СМИ, и была положительно воспринята населением Сирии[4].

Достаточно успешно российской стороной проводится работа по популяризации русского языка, который в 2014/15 учебном году вошел в программу сирийский школ в качестве второго иностранного по выбору[13]. Осенью 2014 г. в университете Дамаска была открыта кафедра русского языка, а в 2016 году при вузе свою работу начал Русский центр[1].

Работа по популяризации русского языка уже приносит плоды: в настоящий момент его учат 11 тысяч сирийских школьников в двенадцати городах страны[13].

Продвижение и популяризация русского языка, безусловно, являются важными направлениями работы с иностранной аудиторией, однаконецельзя переоценивать этот инструмент публичной дипломатии. Дело в том, что само по себе знание русского языка еще не гарантирует позитивного отношения к России, точно так же, как и знание английского языка не означает того, что его носитель (пользователь) является «симпатизантом» США. Иностраный язык, прежде всего, выступает в качестве механизма, обеспечивающего доступ к определенным ресурсам. Поэтому, для продвижения позитивного образа России необходимо не только развивать преподавание русского языка, но и создавать стимул для его изучения[9]. Одним из таких стимулов может стать возможность получения бесплатного образования на территории России.

В этом ключе позитивным является решение Россотрудничества отдать приоритет выпускникам кафедры русского языка Дамасского

государственного университета в предоставлении мест для бесплатного обучения в российских вузах[3].

Работа с молодежью в области гуманитарного сотрудничества является эффективным инструментом продвижения «мягкой силы» государства. Именно в юные годы закладываются основные мировоззренческие ценности и взгляды, которые в дальнейшем сопровождают человека на протяжении всей жизни. Молодые люди в ходе своего обучения за рубежом активно изучают язык принимающей страны, знакомятся с достижениями ее науки и культуры, приобретая, таким образом, ценный социальный капитал. Вернувшись на родину с полученным багажом знаний, связей, симпатий и новых друзей, как правило, эти молодые люди становятся эффективными проводниками языка и культуры той страны, где учились[14]. Поэтому предоставление образовательных услуг выступает как один из основных инструментов публичной дипломатии, направленный на достижение долгосрочных целей. Его особенностью и преимуществом является то, что он предполагает, главным образом, не воздействие, а взаимодействие с иностранной аудиторией, выстраивание с ней диалога[8].

Таким образом, из приведенного анализа можно заключить, что работа по линии гуманитарного сотрудничества в условиях конфронтации открывает ряд возможностей для участников конфликта. Взаимодействие в гуманитарной сфере дает возможность государствам сохранять наработанные ранее контакты, когда политический диалог между ними ослаблен в силу противоречий. Кроме того, использование гуманитарного сотрудничества является неотъемлемой частью мирорегулирующего процесса, способной нивелировать стереотипное восприятие сторон конфликта. Отдельного внимания заслуживают возможности гуманитарного взаимодействия для укрепления ресурса «мягкой силы» государства в конфликтном регионе.

Список источников и литературы:

1. *Акиншин В.* «Трудный, но очень красивый»: в Дамасском университете открыли центр изучения русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201711162030-d2w4.htm (дата обращения: 18.11.2017)
2. *Долинский А.* Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский Совет по международным делам. 12 сентября 212 [Электронный ресурс]. URL: <http://qoo.by/2syw> (дата обращения: 28.08.2017).

3. Изучающие русский язык сирийские студенты получают места в российских вузах // РИА [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171105/1508244525.html> (дата обращения: 18.11.2017)
4. «Культурное наступление»: зарубежные СМИ о концерте в Пальмире // [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3262903> (дата обращения 25.11.2017)
5. *Лебедева М.М.* Роль образования в диалоге цивилизаций // Вестник МГИМО-Университета, № 2(5). 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://qoo.by/2yTM> (дата обращения: 17.08.2017).
6. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. М.: Аспект-Пресс, 1997.
7. *Лебедева М.М.* Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР // Международные процессы. 2013. № 1. С. 4- 15
8. *Лебедева М.М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6 (9). - С. 1-6
9. *Никитина Ю.А.* Проблема «мягкой силы» во внешней политике России. // Аналитическая записка. М.: 2012.
10. *Панова Е.П.* Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 С. 157-161.
11. Посольство России в Испании // Официальный сайт Посольства РФ в Испании [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://spain.mid.ru/web/spain_ru (дата обращения: 18.11.2017)
12. Публичная дипломатия: Теория и практика / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: «Аспект Пресс», 2017. 272 с.
13. Русский центр в Дамаске принимает гостей. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruskiymir.ru/news/229036/> (дата обращения 25.08.2017)
14. *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО – Университета. 2012 . № 4 (25). С. 85-93
15. Эксперты выступили за развитие публичной дипломатии на Южном Кавказе и в Турции // [Электронный ресурс]. URL: <https://sptnkne.ws/gcWj> (дата обращения: 18.11.2017)
16. *Cowan, G., Arsenault, A.* (2008). Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy// The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 616,10-30.
17. España trata de relanzar relaciones con Rusia pese a la tensión con la UE // [Electronic resource] <https://www.youtube.com/watch?v=RZgp6LoS3Bw> (дата обращения: 18.11.2017)

18. España y Rusia buscan incrementar los flujos turísticos entre ambos países con la celebración del Año Dual de Turismo 2016-2017. (2016). Retrieved 25 November, 2017 from: <http://catcut.net/aaAc> (дата обращения: 27.11.2017)
19. Nye J. The New Public Diplomacy // [Electronic resource] <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy> (дата обращения: 18.11.2017)

Лукьяненко В. В.

Студент Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
schnitzelfrommars@gmail.com

V. Lukianenko

Student of the Saratov State University named after N. Chernyshevsky
schnitzelfrommars@gmail.com

Кибервойны как одно из средств реализации внешней политики США

U.S. Foreign policy Cyberwarfare Methods Implementation

Аннотация: статья посвящена такому феномену современной мировой политики, как кибервойна, а также растущему влиянию роли киберпространства в осуществлении США своей внешней политики. В статье анализируется национальная стратегия безопасности киберпространства США, рассматривается применение стратегии на определенных примерах военно-кибернетических операций, осуществляемых Киберкомандованием США. В статье анализируется структура киберкомандования США, а также намечается план ответных действий РФ в целях обеспечения национальных интересов в киберпространстве.

Ключевые слова: Кибервойна, кибератака, киберпространство, кибербезопасность, Киберкомандование, Национальная стратегия безопасности киберпространства США

Abstract: The article about a phenomenon of modern world politics – cyberwarfare and the growing influence of the role of cyberspace in the implementation of the U.S. foreign policy. The article analyzes The National Strategy to Secure Cyberspace, considered the application of the strategy by United States Cyber Command on certain examples of military cybernetic operations. The article provides information about the history of creation of United States Cyber Command. Since the United States of America defines the Russian Federation as a threat to national security, the article makes predictions of Russia's actions in cyberspace against the US, which in turn may be reflected in the next concept of the Foreign Policy of the Russian Federation

Key words: cyberwarfare, cyberattack, cyberspace, cybersecurity, Cyber Command, The National Strategy to Secure Cyberspace

Желание человечества найти новые тактики ведения войн стало причиной изобретения кибервойны. Весь мир признает, что создателем нового вида оружия являются США. «Америка – страна, которая изобрела новую технологию и тактику ее применения», - писал Р.Кларк, специалист по кибербезопасности США. «Кибервойна—действия одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения», - продолжал Р.Кларк. Существует два вида кибервойны: кибершпионаж (несанкционированное проникновение для получения информации) и кибератаки (покушение на систему безопасности информационной системы). Возможности Кибервойны по-настоящему внушительны, поэтому, изобретая оружие, надо сразу же разработать и «противоядие» к нему.

Кибернетическое командование США(USCYBERCOM).

Проанализируем историю создания главного органа, координирующего политику США в киберпространстве. 1990-1991 гг. во время войны в Персидском заливе возникла необходимость создания органа, отвечающего за киберпространство. В 1995 году Университет Национальной Безопасности выпустил первых офицеров-специалистов, способных вести кибервоенные компании. В 2002 году кибервойны находились в ведении STRATCOM(Стратегическое командование Вооружённых сил США). В ноябре 2006 года под эгидой ВВС США начало работу первое Кибернетическое управление[2, с. 17]. 23 июня 2009 года министр обороны США, обязывает Стратегическое командование Вооружённых сил США создать Киберкомандование[12]. Уже 21 мая 2010 года Киберкомандование официально начало функционировать. 6 апреля 2016 года Киберкомандование получило «первое задание военного времени» – атаковать Исламское Государство[8]. На данный момент Киберкомандование находится на территории военной базы Форт-Мид, и объединяет в своей структуре отдельные киберкомандования ВВС, морской пехоты и сухопутных войск.

Структура Кибернетического командования:

- 1) Киберкомандование Армии – единый центр информационных армейских операций и операций в киберпространстве. Задачи: планирование, проведение, интеграция операций с использованием военных компьютерных сетей, а также защита этих сетей[9].

2) Киберкомандование военно-морского флота США – обеспечивает поддержку командующим флотам в сфере компьютерных операций, радиоэлектронной борьбы, а также является криптологическим командованием военно-морского флота.

3) Кибернетическое командование корпуса морской пехоты США – защита критически важной информационной инфраструктуры.

4) Киберкомандование ВВС. Задачи: проведение всего спектра операций в киберпространстве, включая использование в своих целях компьютерных сетей других государств; подавление стратегически важных кибернетических объектов противника.

Потенциальный угрозы для Кибербезопасности США.

В 1999 году выходит доктрина «Неограниченная война», которую называют «генеральным планом уничтожения Америки». Эта доктрина напрямую заявила Америке о положительном отношении КНР к применению кибератак. В китайскую концепцию ведения войны входит: использование развивающимися странами нетрадиционных способов ведения войны против развитых государств; использование слабостей в преимуществах противника. Еще один принцип: украсть какую-либо технологию противника, найти в ней слабое место, разработать свою версию программы. [3 с. 86.]

Политика России в киберпространстве считается наиболее опасной, так как она очень похожа на стратегию самих Штатов. В России существовал аналог АНБ - ФАПСИ, которое выполняло похожую работу. Сейчас же функции Федерального Агентства перераспределены между ФСБ и другими органами. В России есть свое киберкомандование-Войска информационных операций, в функции которых входит защита военных информационных сетей. Но, несмотря на это, РФ и США, имеют разные взгляды на само понятие и структуру данного термина, из-за чего и возникают разногласия и постоянные угрозы перерастания кибератак в полномасштабные силовые конфликты. Дело в том, что кибербезопасность, по мнению США, это защита в киберпространстве техники, людей и государственных структур от потенциальных кибератак. В России же этот термин практически не употребляется, вместо него используется «информационная безопасность», которая включает в основном лишь цензуру. Во-вторых, между государствами идут споры, кто играет главную роль в самой структуре киберпространства: США считают- частный сектор, а РФ – что главная роль принадлежит государству.[2]

Потенциальную угрозу для США приносят Израиль и Франция, имеющие киберподразделения, и Иран, Южная Корея, Индия, которые, по

американским разведанным, способны вести кибервойну. Невозможно не упомянуть ИГИЛ, запрещённая в России террористическая организация, использующая киберпространство для вербовки новых членов террористической организации. Тем не менее, как показывает историческое прошлое, эффективное обеспечение безопасности возможно лишь при сотрудничестве одного государства с другими. США не исключают эту тенденцию из своей политики и в отношении кибербезопасности.

Цели сотрудничества США.

Во-первых, сотрудничество необходимо для создания общей системы сбора информации и оповещения. Во-вторых, США стремятся к выработке общих международных норм киберпространства, базирующихся на совместной работе, прозрачности. Министерство Обороны США планирует создать единую систему коллективной обороны в киберпространстве, а для этого Министерство будет работать над проведением совместных с союзниками учений и тренировок кибервойск, а также, аккумулируя общие знания, над созданием новых технологий защиты[4].

В 2006 году США ратифицировали Международную конвенцию Совета Европы по киберпреступлениям 2001 года, исходя из которой, США посредством создания неформального канала по сбору и обмену информации среди стран G7, будут в числе стран-доноров оказывать поддержку развивающимся странам, в том числе через сотрудничество с правоохранительными органами стран-партнеров в целях экстрадиции киберпреступников, как в США, так и непосредственно в других государствах. Более того, США стремятся к упорядочиванию Международного Законодательства в области киберпространства.

Специализированное Киберподразделение ФБР, создало и контролирует посты постоянных кибер-атташе в таких городах, как Лондон, Канберра, Оттава, Гаага, Бухарест, Киев, Таллинн, а на временной основе – в Токио, Стокгольме, Тель-Авиве, Праге и Бразилиа. Кибер-атташе способствуют обмену информации по поводу киберпреступности, а также налаживанию сотрудничества между этими государствами и США в этой сфере. Для обеспечения кибербезопасности США и еще 17 государств участвуют в работе Центра Киберзащиты НАТО в Таллине. США сотрудничают напрямую с Эстонией (2013 год) и с Японией (2017 год), где было подписано заявление о сотрудничестве в киберпространстве.

В 2013 году между Обамой и Путиным была запущена-горячая линия-круглосуточная возможность обмена информацией между странами по поводу кибератак. Также с 2011 года проходит выработка проекта для Конвенции по ведению кибервойны. Но абсолютный консенсус все же

невозможен, в связи с разным пониманием данными странами целей существования кибернетического пространства. Недопущение силовых ответов на кибератаки друг друга - основная цель сотрудничества двух государств, поэтому от диалога отказываться ни в коем случае нельзя[1].

Изначально США полагали, что цель использования киберпространства заключалась лишь в отстаивании национальных интересов американского государства. Но Штаты начали задумываться, «Игра идет не по их правилам», когда поняли, они – не единственные обладатели кибероружия. Возрастала все большая необходимость в выработке стратегии киберобороны. Так появился основной документ, регулирующий деятельность США в киберпространстве, - Национальная стратегия по безопасности киберпространства 2003 года. Ключевым моментом обеспечения кибербезопасности является общая работа государственного и частного секторов. Основные цели Стратегии: предупреждение и предотвращение кибератак посредством сокращения уязвимостей в системе киберобороны, если же атаки произошли – минимизировать последствия. Стратегия по безопасности формулирует пять национальных приоритетов:

- 1) Национальная система реагирования на инциденты безопасности киберпространства. В этой системе разработано восемь мероприятий.
- 2) Национальная программа уменьшения уязвимостей и угроз безопасности киберпространства, для претворения которой также разработано восемь мероприятий.
- 3) Национальная программа обучения и повышения осознания безопасности киберпространства, определяющая четыре инициативы.
- 4) Обеспечение безопасности государственного киберпространства включает пять мероприятий.
- 5) Национальная безопасность и международное сотрудничество по обеспечению безопасности киберпространства, включающая шесть инициатив[10].

Национальная стратегия лишь один из многих документов, регулирующих кибероборону США, но все остальные стратегии и концепции строятся на основных идеях этой стратегии.

Теперь разберем на конкретных примерах осуществление Национальной Стратегии на практике. Главный принцип всей кибербезопасности США - сотрудничество частного и государственного секторов, начал осуществляться уже с 2002 года. 18 сентября многие американские частные организации опубликовали собственные стратегии по осуществлению кибербезопасности именно в своих секторах. Данный факт

подтверждает укрепление защиты критической инфраструктуры от кибернападений. Помимо этого, Соединенные Штаты довольно-таки успешно реализовывают национальную программу обучения кибербезопасности. С 2005 года в Национальном Научном Фонде действует программа «Электронный дозор», в рамках которой было разработано несколько учебных программ по сохранности информации. Программа даже присуждает научные степени. В программе задействовано 29 штатов, 50 колледжей и 45 университетов.

Соединенные Штаты участвовали практически в каждой форме и конференции по теме кибербезопасности. США каждый год являются участниками Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности», проходящего в Гармише-Партенкирхене, Германия. Представители Государственного Департамента в 2011 году приняли участие в форуме ОБСЕ по обеспечению конфиденциальности информации и принятию мер по повышению кибербезопасности. Помимо этого, один из работников Министерства торговли является членом консультативной группы при Форуме ООН по управлению Интернетом. Помимо международного сотрудничества на форумах, США помогает некоторым странам обеспечивать их кибероборону посредством консультаций, обучения специалистов, создания первичных групп реагирования на кибернападения. Такая помощь оказывается, например, Афганистану и членам НАТО.

Что касается обеспечения безопасности в киберпространстве на федеральном уровне, то еще с 2008 года Министерство Национальной Безопасности взяло на себя роль «защитника» домена «gov», а Киберкомандование защищает домен «mil». Министерство сканирует кибертрафик на обнаружение вредоносных ПО (система «Эйнштейн-2») и в дальнейшем их устраняет (система «Эйнштейн-3»). Национальная стратегия утверждает, что первостепенной задачей в обеспечении киберобороны является предотвращение кибернападений путем устранения уязвимостей в системе. В связи с тем, что кибератаки, не всегда заметны, в том и состоит основная сложность в процессе предотвращения нападений, специалисты не всегда находят уязвимости в структуре. Но тем не менее Физическая лаборатория Университета Джонса Хопкинса славится тем, что эксперты из этой Лаборатории в 2009 году смогли найти утечку информации и остановить ее. То есть, уязвимость была найдена. Лаборатория сотрудничает с АНБ[3, с. 212].

Подводя итог, следует привести некоторые рекомендации, касающиеся политики, осуществляемой Россией в киберпространстве. В РФ признается, что государство «играет главную роль» в киберпространстве, но аккумулируя усилия государства и частного сектора, можно добиться больших успехов в киберзащите. Если предоставить дополнительную возможность частным организациям самим обеспечивать свою кибербезопасность, то процесс киберзащиты охватит большее количество сфер киберпространства. Также необходимо вводить феномен киберграмотности, чтобы как можно больше людей были знакомы с терминами «киберпространство» и «кибербезопасность». Данный принцип может, в свою очередь, повлечь за собой большую заинтересованность людей в данной сфере, а, как следствие, появление специалистов по кибербезопасности.

Сферы, в которых потенциально возможно сотрудничество между РФ и США, следующие. Во-первых, если наладить совместную работу ФБР и ФСБ, то возможно эффективное сотрудничество по осуществлению поиска транснациональных киберпреступников. Во-вторых, государства могли бы сотрудничать в борьбе с терроризмом, посредством обмена информацией, касаемо личных данных террористов. В третьих, чтобы обезопасить гражданское население РФ и США могли бы выработать специальные принципы недопущения кибератак на критическую инфраструктуру государств. В любом случае, сотрудничество США и РФ необходимо в основном для предотвращения перерастания кибернападений в силовое противостояние. Помимо этого в последнее время возрастает необходимость выработки общего международного Законодательства, касаемо киберпространства, а также создания общей системы коллективной кибербезопасности. Выполнение этих задач, наконец, позволит поставить кибернетические войны под контроль.

Список источников и литературы:

1. *Козловский А.* Сотрудничество России и США в киберпространстве [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/military> (дата обращения: 15.11.2017).
2. В Вооруженных силах России созданы войска информационных операций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru> (дата обращения: 15.11.2017).
3. *Кларк Р.* Третья мировая война: какой она будет? Высокие технологии на службе милитаризма/Е. Карманова .— М.: Изд-во Питер, 2011.— 336 с.

4. Стратегия Министерства Обороны Соединенных Штатов Америки в сфере киберпространства июль 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru> (дата обращения: 17.11.2017).
5. Харрис Ш. Кибервойн@: Пятый театр военных действий/А.Никольский — М.: Альпина нон-фикшн, 2016.— 392 с.
6. Котова Ю. Глава Пентагона объявил о начале кибервойны против ИГ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 15.11.2017).
7. Jackson P. Meet USCybercom: Why the US is fielding a cyber army, BBC News [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk> (дата обращения: 15.11.2017).
8. The National Strategy to Secure Cyberspace February 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.us-cert.gov> (дата обращения: 16.11.2017).
9. US needs 'digital warfare force'. BBC News [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk> (дата обращения: 15.11.2017).

А.И.Печалова

Аспирант кафедры международных отношений и внешней политики
России, Московского государственного института международных
отношений (У) МИД России
pechalova.a.i@my.mgimo.ru

A. Pechalova

Postgraduate Student of the Department
of International Relations and Foreign Policy of Russia at the Moscow
State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation
pechalova.a.i@my.mgimo.ru

Глобальное управление и проблемы трёхсторонних отношений Global Governance and Issues of Trilateral Cooperation

Аннотация: В статье обозначены некоторые общие тенденции, наблюдаемые в трёхстороннем формате взаимоотношений и в системе глобального управления в целом, которые могут помочь объяснить причины неэффективности глобального управления. Среди них – отказ отдельных стран делегировать часть своего суверенитета многосторонним форматам, различная интенсивность связей между участниками многосторонних групп, отсутствие долгосрочной стратегии.

Ключевые слова: трилатерализм, глобальное управление, новые вызовы и угрозы, Трёхсторонняя комиссия.

Abstract: This paper deals with the issue of the slowly eroding system of global governance. Current international relations are witnessing the failure of the existing formats of cooperation in the face of emerging challenges and threats, leading them to adapt to the new realities or dissolve. Trilateral relations between the United States, Western Europe and Japan established in the 1970's are also experiencing changes that have much in common with the concurrent crisis of global governance. This article attempts to highlight these similarities and explain the reasons for the overall inefficiency of the system of global governance through the prism of trilateral relations. Among them is the unwillingness of some stakeholders to delegate statehood and share responsibilities, different intensity of ties between members of different formats and the absence of a long-term strategy.

Key words: new challenges, trilateralism, trilateral cooperation, Trilateral Commission, Global Governance.

Beginning in the 1970's increasing interdependence has created many new challenges and threats of an unprecedented, global, scale that attacked the economic, social and environmental security of the world. They include uncontrolled migration, vulnerable economies, terrorism (including nuclear terrorism), health issues and many other pressing problems that hamper the stability, growth and development today.

Ever since, the international community has sought efficient ways to fight back. One of the first modern formats created in an attempt to combat these threats was the so-called "trilateralism". Later Zbigniew Brzezinski articulated the ideological and political concept of trilateralism, stating that global security depended not only on the status of US-Soviet relations, but rather on the way richer countries could face emerging threats[3].

In 1973 he and David Rockefeller founded the Trilateral Commission designed to provide expertise to the governments of US, Japan and Western European countries and develop long-term strategies to minimize the risks that globalization brought as well as take advantage of its opportunities. The concept soon became very popular among American scholars and later – among the opponents of the détente in the American establishment.

The work of the Trilateral Commission has consisted mainly in elaborating regular task force reports (there have so far been 60 task force reports published) and organizing meetings to coordinate policies of the three industrial democracies. Its agenda has beamed light on issues of political stability, relations with other regional formats and a range of universal problems and has since been in high demand (works of Professor Anthony Sutton[4] provide an analysis of how the Trilateral Commission has affected American foreign policy).

The contours of the global governance system took shape with the establishment of the G7, much later – the G20, BRICS and other organizations that were meant to deal with modern threats. Unfortunately, despite numerous efforts to enhance global security, the list of unsolved problems remains long.

Trilateral ties have proven to be efficient in a number of areas. Measures were taken in the field of providing humanitarian aid, energy security, much was done to deepen the understanding of modern threats. But today even this format of cooperation is experiencing a certain slippage.

This paper proposes to look into trilateralism in the context of a more global crisis and the inability of the existing organizations to deal with modern challenges. Comprehending trilateralism may help to understand the nature of global governance today, its prospects and the limits of the existing formats.

Listed below are some noticeable characteristics of trilateralism and global trends.

Primarily, what needs to be stressed is that the “general picture” of modern-day international relations and that of the 1970’s are very much alike. The features of emerging challenges and threats make them unpredictable, non-linear, very complex and extensive, but what differs is that four decades ago the international community responded with unity, whereas current challenges cause deeper fragmentation. Particularly – among the so-called Western countries that lost a common external threat with the end of the Cold War.

In trilateralism, this trend has not yet become evident and is only demonstrated by a drop of task force reports produced by the Trilateral Commission[5], fewer trilateral meetings. At the same time, on a more global scale it can be illustrated by rising Euroscepticism, the suspension of Russia’s entering the OECD and its membership in the G8, vivid discrepancies in the United Nations and other organizations.

Another important fact to understand is that the categorical “No[1]” that the some countries are saying to limiting statehood and sovereignty in any way causes further stagnation of many formats. This idea also lies beneath the absolute primacy of state interests that leads the United States to withdraw from the Paris accords, debate the Kyoto protocol and treat other significant multilateral agreements as secondary documents. In terms of trilateralism, when choosing grounds for trilateral cooperation, the founding countries opted for the least institutionalized format possible: a private organization that bans any government officials from participation[6], thus showing no will to delegate more to this direction of their foreign policy.

Moreover, this philosophy may also help explain the overall attitude towards the European Union. The EU has been struggling with self-assertion, with its several supranational initiatives falling through and a common defense policy lacking shape. Underrepresented in multilateral formats of cooperation, the EU has only been granted an observer status in the G20, where other states enjoy full membership. The adoption of such an approach demonstrates the power that statehood has over supranational organizations and provides yet another reason for the stagnation of the system of global governance.

Further on, a visualization of trilateral ties today would show a distinct asymmetry of ties between the three centers. While bilateral contacts between the United States and European countries and the United States and Japan remain strong and balanced (powered by a significant military component), the European-Japanese vector of cooperation has never been developed. Different intensity of ties is also visible in the African Union, SAARC (with all members cooperating

with India, but not giving enough focus to building closer ties with one other), BRICS and many other groups of countries.

But most importantly, the slippage of global governance, as it seems, has been caused by the fact that no long-term strategy has been produced to sustain this cooperation. Looking into the conceptual documents of the United States, Europe and Japan, one can notice that trilateralism has never on a list of these countries priorities. Surely, American National Security Strategies have called for the enhancement of bilateral ties with Europe and Japan[2], for a more active role in NATO and a solid stance in the Asian Pacific, but the trilateral format has been omitted from the US doctrines, as well as the European and Japanese ones. Moreover, little attention has been drawn to other elements of the global governance system such as the G20, G7 and even the United Nations¹.

The above mentioned are just some traits of trilateralism that show a slippage of this framework of cooperation and give an insight into the reasons why certain formats of global governance are losing relevance.

To conclude, trilateralism is seems to be witnessing trends very similar to those experienced by the system of global governance in general. The obstacles to a more balanced and fruitful work lie within the structure of the format itself and they will time and effort to overcome. The future of trilateralism very much depends on the ability of formats to adapt to the changing realities and devise new ways to combat emerging challenges and threats.

References:

1. Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski. Pod red. Baranovskogo V.G., Ivanovoj N.I. M.: IMEMO RAN, 2015.
2. National Security Strategy, 2015 [Electronic resource] // Mode of access: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>
3. Nye J., Biedenkopf K., Shiina M. Global Cooperation after the Cold War: A Reassessment of Trilateralism. A Report to the Trilateral Commission № 41 [Electronic resource] // Mode of access: http://trilateral.org//download/doc/global_cooperation_cold_war.pdf
4. Sutton A., Wood P. Trilaterals Over Washington. New York: August Corp., 1979.
5. Task Force Reports to the Trilateral Commission [Electronic resource] // Mode of access: <http://trilateral.org/page/15/task-force-reports>
6. The Official Website of the Trilateral Commission [Electronic resource] // Mode of access: <http://trilateral.org/page/3/about-trilateral>

¹ With the latest National Security Strategy published in 2015 mentioning the United Nations once, in the context of “leading with capable partners”.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник молодых ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках: имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. Название статьи на русском и английском языках

3. Аннотация статьи на русском и английском языках (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. Ключевые слова на русском и английском языках по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. Основной текст статьи, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. Список источников и литературы

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисовочную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подрисуночные подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подрисуночные подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно)

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех., кто входит Редакционного совета или Редакционной коллегии Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя — обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в [приказе Министерства](#) образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal "The Herald of the Young Scholars in International Studies"

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — "from the heart" from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys "Ctrl" + "Shift" + "space". Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks "...", if there are internal and external quotation marks, the external act "Christmas tree", the internal "legs".

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys "Ctrl" + "Alt" + "-", and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor "Superscript a" — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic "footnotes" text editor is not used. "Footnote" is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into "Word" and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793 ([link](#))

Научное электронное периодическое издание

ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2018. № 1 (3)

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.345

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

<http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>

Научный редактор выпуска Журнала: О.П. Иванов (д.п.н.).

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Р.Н. Шангараев. (к.э.н.),
Тимакова О.А.(к.п.н.), Кулябина Л.Н. (к.п.н.).

Технический редактор выпуска Журнала: А.В. Амелина

Верстка:Р.Н. Шангараев

Оформление:Р.Н. Шангараев

Подписано к печати 15.03.2018.